

Рублевка-3. Книга Мертвых

Автор:

Сергей Антонов

Рублевка-3. Книга Мертвых

Сергей Валентинович Антонов

МетроВселенная «Метро 2033»Рублевка #3

«Метро 2033» – Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Старый фараон умер. Или нет? Рублевка под властью загадочного провидца... Но кто он – мессия или безумец? Чем закончится полет Томского и Вездехода на автожире? Что ждет Юрия Корнилова и его соратников в их борьбе с богемной жуковской оппозицией и ее лидером, таинственным Конструктором? Устоит ли Рублевская Империя перед новыми, свалившимися на нее напастями? Ответы на все эти вопросы ищите в заключительной книге трилогии Сергея Антонова.

Сергей Антонов

Рублевка-3. Книга Мертвых

Me mortuo terra misceatur igni![1 - Старинная греческая поговорка, которую в латинском переводе часто употреблял Тиберий: «После моей смерти хоть земля смешается с огнем» или «Когда умру, пускай земля огнем горит».]

Император Тиберий Цезарь Август

Я тебя породил, я тебя и убью!

Николай Гоголь

© Д. А. Глуховский, 2017

© Антонов С., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пророки в своем Отечестве

Объяснительная записка Вадима Чекунова

Служба в армии – советской, а потом и российской – запомнилась мне, прежде всего, галереей замечательных персонажей, с которыми в обычной жизни я бы никогда не столкнулся. Как и в любом другом полку, были у нас свои воины-спортсмены, отличники боевой и политической подготовки; были вечные «залетчики» и завсегдатаи «губы»; были люди необычайных способностей и талантов (украсть в одиночку полторы сотни бушлатов или выпить что-нибудь страшно ядовитое, но не только не ослепнуть и не умереть, а наоборот, весело и с пользой провести время); были художники и музыканты; были рукастые мастера, способные из ничего соорудить что угодно, и были невероятные «тормоза», умевшие испортить и запороть все, что попадало в их поле зрения.

Но самым уникальным человеком, которого я встретил за все время службы и с которым крепко сдружился, был наш полковой фельдшер, «срочник» из небольшого городка Львовской области. Был он ростом высок, телом худ, лицом страшен – нос крючком и темные круги вокруг глаз. Мог сыграть в кино злого

колдуна безо всякого грима. Фельдшера почти никогда нельзя было застать спящим – после отбоя он сидел у себя в боксе и запоем читал разную мистическую литературу и биографии великих людей. Стол его был завален гороскопами, картами Таро и всякими брошюрками по гаданию. За этим человеком в части прочно закрепилась слава ясновидящего и целителя. Диагноз он мог поставить, лишь взглянув на лицо, или по фото рассказать о человеке, назвав и имя его, и профессию, и много чего еще... Офицерские жены тянулись в его каморку постоянно, с домашними разносолами и пирожками. Фельдшер им гадал, давал житейские советы, снимал руками головную боль...

«А погадай мне тоже!» – как-то раз попросил я его. Тот лишь усмехнулся и спросил, всерьез ли я верю в такую чепуху, как гадания... «Ну, как же, вон жены из военгородка, аж верещат, что все сбывается, что ты им наговоришь...» – защищался я. «Да это ж просто психология и информация!» – махнул рукой фельдшер и спросил: «Видишь, какие у меня уши?» Уши его были тоже страшные – крупные, оттопыренные и заостренные. «Я как паук в центре паутины, сижу и слушаю, и перебираю ниточки, делаю выводы...» – поясняя свой метод, фельдшер неожиданно вошел в образ, принялся шевелить длинными пальцами и действительно стал напоминать гигантского паука.

«Ну а как ты по фото имена и профессии людей узнаешь?» – не сдавался я. «Да это ж совсем другое дело, это просто магия и дар свыше», – лениво отмахнулся фельдшер и позвал чай пить. За чаем вдруг задумался и сказал: «Вообще, время смутное. Страна разваливается. Надо как-то жить. Учение какое-нибудь создать...» «Секту, что ли?» – уточнил я. «Ну, называй, как хочешь...» – уклонился фельдшер. – Главное, чтобы люди тянулись и взносы делали». Он задумался еще крепче, а потом решительно произнес: «Но я не стану этого делать, а то увлекусь, сам уверую еще... Я же из чего угодно могу культ сделать!» – глаза медика горделиво полыхнули (так мне показалось). «Так уж прям из чего угодно?» – решил я вернуть его на землю. «Ага!» – безмятежно кивнул он. И тут я брякнул, что первое в голову пришло: «А вот, например, из числа Пи, математического, сможешь?»

Фельдшер снова кивнул: «Конечно. Число Пи вообще священо, ибо это и есть Имя Господа. Каждая цифра там имеет сакральное значение. Три – это, понятно, триединство. Один – бог един. Четыре – это четыре Евангелия. Снова один – потому что Евангелия едины. Пять – это Пятикнижие... Надо учить его наизусть, каждый день, новые цифры – это повышение святости и путь к спасению...»

Отслужив, мы разъехались по разным республикам, которые стали к тому времени самостоятельными странами. Я сошел с поезда на перрон Ленинградского вокзала и решил пройтись по Москве пешком – стоял чудесный апрельский день девяносто второго года. Солнце, теплый ветерок, подсохший асфальт, иномарки на дорогах, девушки в коротких весенних пальтишках, бритые налысо пацаны в безразмерных кожанках, торговый люд всех возрастов, на фанерках да ящиках товар свой разложивший... А вокруг на стенах, на столбах, на витринах – листовки, плакаты и объявления. Тетка, больше похожая на жабу, чем на тетку, притворялась некой Марией Дэви Христос. Демонического вида бородачи зазывали в свои «богородичные центры», где обещали научить любить Бога правильно. И все это вперемешку с обычными «куплю», «продам», «сниму» и «сдам» – джинн коммерции вырвался на свободу и диковато восторжествовал.

Еще несколько лет я с интересом следил за новостями с Украины – не объявился ли там харизматичный пророк-колдун со Священным Числом или иным сакральным знанием. Но, вроде, фельдшер слово сдержал, и учения не основал. Хотя, кто знает? Может, времена тогда недостаточно мутными ему показались. Или время его еще не пришло. Посмотрим, что дальше будет.

А пока – почитаем «Рублевку-3. Книгу мертвых».

Пролог

Мягкий, приглушенный свет ламп, спрятанных под матовыми плафонами. Тихая, ненавязчивая музыка, льющаяся из невидимых динамиков. Блестящие громадные колбы из толстого стекла с хранящимися в них, в желтой жидкости, останками разных чудищ. Хирургические инструменты, аккуратно разложенные на передвижном столе. Стеклянные шкафы с препаратами и различными медицинскими приспособлениями. Темные мониторы компьютеров и журнальные столы. Кожаные диваны и кресла. Стеллажи с книгами. Фрески с изображениями богов врачевания: Исиды – с расправленными руками-крыльями – и Тота – с головой ибиса, с посохом и анхом в руках.

Сочетание всего этого выглядело странным, и человеку непосвященному трудно было бы идентифицировать назначение этой небольшой комнаты, запрятанной в

недрах Пирамиды. Помещение могло быть как операционной, так и анатомическим музеем или библиотекой.

Впрочем, первый вариант перевешивал все остальные. В комнате находился доктор – в белом халате и хирургической маске. Человек же, сидевший в кресле перед большим зеркалом, с лицом, скрытым под намотанными в несколько слоев бинтами, явно был пациентом. На нем был широкий, расшитый ярким орнаментом халат, а на груди поблескивал массивный золотой кулон в виде жука-скарабея.

– Ну вот и все, мой генерал. – Доктор взял со стола ножницы, подошел к пациенту и остановился за его спиной. – Простите за неудобства. Такова уж специфика пластической хирургии. Теперь мы снимем повязку, и вы сможете убедиться в том, что профессор Хмельницкий – по-прежнему лучший в своей области.

– А я в этом никогда и не сомневался, доктор. Может, это звучит несколько нескромно, но у меня талант собирать вокруг себя лучших из лучших. Коллекционировать здания, предметы, людей – это то же самое для вашего покорного слуги, что для обывателя – запастись спичками, солью, мылом и керосином перед войной. Думаю, причина кроется в нищете, которую я испытал в юности. Мои покойные родители очень бы удивились, если бы узнали, что их сын, пасший когда-то овец на горных склонах, живет и здравствует в самом центре заповедника российской богемы. Еще пару минут, профессор. Оставьте в покое свой инструмент. Мыждемся одного важного гостя, выпьем с ним бокал вина, изготовленного по древнеегипетскому рецепту. Думаю, окончание вашей работы над моей физиономией – отличный повод для небольшого праздника.

– Да-да, мой генерал. Отличный повод.

Хирург вернул ножницы на место, снял маску. Под ней оказалось лицо человека лет сорока, довольного жизнью и своим местом в ней. Сытое и уверенное лицо. Правда, его портили слегка обвисшие контуры подбородка, как, впрочем, и щеки – свидетельство того, что сам профессор Хмельницкий не очень-то рвался прибегать к помощи коллег по цеху, предпочитая скальпелю морщины и мешки под глазами.

– А пока, дорогой профессор, расскажите мне о коллекции, которую вы вместе с Хилой собрали здесь.

– Все и так видно, мой генерал. Что именно вас интересует?

– Классификации мутантов по степени их опасности, разумеется.

– Пожалуйста. – Хмельницкий прошел к стеклянным колбам. – С повадками варанов вы уже знакомы. Гарпии тоже вряд ли заинтересуют вас. Птеродактилями нас не удивишь, как и змеями из Ромашково. А вот безглазые черви... Место, где обычные дождевые черви мутировали и превратились в этих монстров, точно неизвестно. Согласно одной теории они появились в пещерах под Метро, а уже оттуда выбрались за пределы МКАДа. Вырастают до полутора метров. Встречаются, но редко, и двухметровые особи. Чрезвычайно живучи. Чувствительны к малейшей вибрации. Пули против них не слишком эффективны. Так что лучший способ нейтрализации – огонь. Это пока все, что удалось узнать, но мы продолжаем исследования.

Под одобрителный кивок пациента профессор перешел к следующей колбе.

– Бесшерстные собаки. Впервые были замечены на станции Чкаловская, которая с тех пор негласно считается местом их появления. Именно там их обитает больше всего. Так же живучи, весьма агрессивны. Охотятся стаями. По заверениям наших сталкеров, собак можно остановить, пристрелив одну из них. Когда они начинают лакомиться своим мертвым собратом и сбиваются в кучу, то становятся отличной мишенью. Пара хороших стрелков – и можно спокойно уничтожить два десятка псов. Ну и, наконец, самые загадочные из наших клиентов. Пожалуй, самое страшное в них – это то, что они процентов на двадцать остались людьми. Это потомки тех, кто не имел возможности укрыться от радиации. Лучевая болезнь, выпадение волос и зубов – еще цветочки. Этих существ называют вампирами, вурдалаками, но я зову их ги?пносами, поскольку они травоядные и гастрономические пристрастия не являются для них чем-то определяющим. Как видите, мой генерал, пока нам удалось добыть всего одну особь. При этом мы потеряли два взвода профессиональных воинов, а существо досталось нам в изрядно подпорченном состоянии. Мне, к сожалению, не удалось исследовать самую важную часть гипноса – его мозг, который в результате мутаций дал монстру способность гипнотизировать все живое взглядом, а также телепатически. Большая часть ученых считает, что гипносы пришли к нам из Метро и являются побочной ветвью эволюции мутантов

Филевской линии, но я собрал достаточно сведений, чтобы утверждать – впервые они были замечены у нас, в лесах под Одинцово. Возможно, главной причиной их появления стал торсионный генератор, который доставляет нам столько хлопот. По какой-то непонятной причине гипносы мигрировали к Москве-реке и, подобно ласточкам, обосновались в норах-пещерах на ее берегах. Я ожидаю, что нашим сталкерам все-таки удастся захватить хоть одного гипноса живым или хотя бы не слишком поврежденным. Это пока все, мой генерал. Как вам известно, уже готов контейнер для слизня, которого на днях нам должны доставить из Москвы. Моя команда с нетерпением ждет момента, когда образец можно будет препарировать.

– Гипносы. Гм... Это очень интересно. – Человек с забинтованным лицом встал, подошел к колбе, где в мутной жидкости находился изуродованный пулями труп монстра, и постучал по стеклу согнутым пальцем. – Я лично буду курировать эту тему. Представьте себе, что было бы, если бы их удалось приручить. Гипносы разговаривают?

– Издают звуки, я бы сказал. По обрывочным сведениям тех, кто с ними сталкивался и сумел выжить, – иногда очень членораздельные. Но я склонен сомневаться в том, что мутанты могут соединять их в слова и предложения. Хотя гипносы и похожи на людей, но они все-таки животные.

Рассуждения профессора прервало тихое шипение. Открылась массивная пневмодверь, и в комнату вошел наголо бритый, бледный мужчина в белом балахоне.

Он остановился у порога и с почтением поклонился генералу.

– Как прошли похороны, Носитель Истины? – поинтересовался тот. – Надеюсь, в Жуковке никто не сомневается, что их фараон отбыл на небо, чтобы слиться с сияющим светилом Ра?

– Все сделано как полагается. Теперь заговорщики уверены в том, что руки у них развязаны. Скоро они окажутся в западне.

– Отлично, мой друг. – Генерал направился к встроенному бару, открыл его, достал бутылку и три бокала. – Выпьем же за то, чтобы нам удалось вывести врагов на чистую воду, а также за очередную удачную операцию, проведенную

нашим профессором.

Наполнив бокалы, он подал их Хмельницкому и жрецу. Чокнулся с ними, но, когда те выпили вино, поставил свой бокал на стол, даже не пригубив.

– Проклятье. Я не смогу смаковать этот благородный напиток через соломинку. Повязка, профессор. Совсем о ней забыл. Давайте от нее наконец избавимся.

Он вернулся в кресло, стоящее перед зеркалом, а Хмельницкий вооружился ножницами. Несколькими точными движениями бинты были разрезаны и сняты. На пару секунд в комнате повисла тишина, а затем Носитель Истины вскрикнул и уронил пустой бокал на пол. Пациент и профессор одновременно расхохотались.

– Поразительное сходство! Не так ли? А если учесть то, что я поработал и над голосом, то мы просто близнецы. – Мужчина, сидящий в кресле, осторожно коснулся ладонями лица. – Блестящая работа, Хмельницкий. Bravo!

Жрец наконец обрел способность двигаться и говорить. Он медленно подошел к зеркалу и остановился за спиной у «близнеца».

– Я... Я не думал, что... Двойник. Почему я?

– Все просто. Мои жрецы – самая закрытая каста. А после того, как я умер, знаешь ли, мне не хочется слишком часто появляться на людях. Поэтому я и выбрал твое лицо, Верховный Носитель Истины.

– Не понимаю. – Лоб жреца покрылся испариной, несмотря на то что кондиционер исправно делал свою работу. – Что это нам даст? Не понимаю!

– Почему нам? Мне и только мне. Ты уже не при делах, ведь Хила – большой мастак по части изготовления ядов. Как тебе вино? Не горчило?

– Ты... Убийца! Отравитель! – Жрец протянул руки к своему палачу, намереваясь вцепиться ему в горло. – Уби...

Не вставая с кресла, а лишь слегка повернувшись, генерал легонько толкнул жреца в грудь, и тот рухнул на колени, пытаясь что-то сказать, но изо рта у него

полилась пена, а глаза вылезли из орбит. Наконец Носитель упал навзничь, дернулся и затих.

– А я? – воскликнул Хмельницкий. – Как же я? Я ведь тоже пил из этой бутылки! Мой генерал...

– Мне хотелось бы успокоить вас, но увы. – Пациент встал, подошел к колбе с гипносом и опять принялся рассматривать мутанта. – Увы, профессор, несмотря на то, что нас связывает многолетнее знакомство и что вы спасли мне жизнь в Чечне, мое перевоплощение должно остаться тайной. Для всех. Поверь, Хмельницкий, будь у меня возможность, я оставил бы тебя в живых. Так, говоришь, гипноз и телепатия? Миленькое дело...

Уже не глядя на профессора, человек в халате направился к двери. Услышав за спиной грохот падения тела, он покачал головой.

– Ох, каких спецов теряем...

Оказавшись в коридоре, он коснулся нескольких точек на фреске, украшающей стену, которые были замаскированными кнопками кодового замка. Четыре панели, плавно выехавшие снизу, сбоку, справа и слева, соединились в центре, образовав изображение бога смерти Анубиса, скрывшего стальную дверь – так, словно ее никогда и не существовало.

– Так. Теперь переодеваться. Жрецы будут очень удивлены, если увидят меня в этом халате.

Между тем замурованный в комнате профессор был все еще жив. В отличие от жреца он не делал резких движений, разносивших яд по кровеносной системе, не кричал и, насколько это было возможно в такой ситуации, сохранял спокойствие. Теперь Хмельницкий из последних сил полз к стеклянному шкафу, где в специальном, разбитом на отсеки контейнере, хранились шприцы со всевозможными препаратами. Доктор часто работал с Хилой и по симптомам отравления уже определил тип использованного генералом яда.

Пот заливал профессору глаза, хлопья пены вываливались изо рта, а тело сотрясала мелкая дрожь.

Добравшись до шкафа, Хмельницкий раскрыл дверцу и, вцепившись в контейнер, вывалил его содержимое на пол. Шприцы покатались в разные стороны. Профессор отчаянно искал противоядие. Судорожно дергая посиневшими губами, он читал формулы на наклейках. Но тут перестал работать кондиционер, оборвалась музыка, и погасли все лампы.

Часть первая

Тайны Рублевского двора

Глава 1

Между крокодилом и львом

- Ай, да чтоб тебя...

Томский не потерял сознания, хотя после такого удара о землю вполне могли и кишки вылезти через рот. Он отлично помнил все: и шутку Носова, и собственный смех, и уверенное урчание двигателя, который продолжал работать и после того, как с лопастями автожира случилось что-то невероятное: они вдруг завибрировали, издавая пронзительный свист. Стремительный полет всего за пару секунд превратился в не менее стремительное падение. Сделать что-либо было уже невозможно. Вездеход привстал в кресле, что-то закричал и... вылетел через рваную дыру в крыше. Толика тоже чуть не вышвырнуло наружу, но из-за своих габаритов он, в отличие от карлика, лишь врезался головой в обшивку и вернулся в исходное положение. Дальше были только треск, череда хлопков и скрежет.

- Ай!

Вскрикнув от боли, прервавшей поток воспоминаний второй раз, Томский понял, что следовало как-то освободить правую ногу, голень которой пронзил острый осколок металлопластика. Все остальное - потом. Толик стиснул зубы. Одной

рукой он обхватил осколок, а ладонью второй сжал ногу и стал ее приподнимать.

Было очень больно, но Томскому приходилось бывать в передрыгах и похуже, а с болью он сталкивался так часто, что почти сроднился с нею. Зазубрины осколка рвали его плоть, но Анатолий успокаивал себя тем, что повреждены были только мягкие ткани, кость не задета, и продолжал тянуть ногу вверх.

– А-а-вх!

Из дыры в комбинезоне брызнул фонтан крови. Несколько минут Томский отдыхал, ожидая пока боль стихнет. Потом сел и осмотрелся. Первым, что бросилось ему в глаза, был большой замшелый камень с выбитой на нем надписью, различить из которой удалось только букву «ять» и несколько цифр: дата рождения, дата смерти. Анатолий встал на ноги, используя как опору искореженную раму автожира. Фрагменты потерпевшего крушение летательного аппарата были разбросаны на площади диаметром метров в пятьдесят, среди заросших бурьяном могильных холмиков, покосившихся, поваленных памятников, склепов и растрескавшихся статуй ангелов с грустными лицами.

– Только с твоим еврейским счастьем, Томский, мы могли потерпеть крушение не где-нибудь, а на кладбище.

Анатолий увидел Вездехода, пробивавшегося к нему через заросли кустарника, и улыбнулся. Свою бейсболку карлик где-то потерял, хобот его противогаза был оторван, но в остальном Носов выглядел вполне прилично для парня, который грохнулся на землю с высоты в сотню метров. Шестилапая ласка занимала свое любимое место – на плече хозяина.

– А ты, Коля, как мячик: чем сильнее тебя бьешь, тем выше прыгаешь.

– Точно. – Карлик снял и отшвырнул бесполезный уже противогаз. – Такой вот мы народ, недомерки. А ты... О, Томский! Что с ногой-то?

– Пропорол осколком фюзеляжа нашего расчудесного автожира.

– Недалеко же мы улетели. – Носов опустил на колени и принялся осматривать рану на ноге друга. – Я всегда говорил: не летай, не летай. Человек ходить должен. Что ж... Кость, судя по всему, не задета, но перевязать надо. Я аптечку в автожире видел. Где-то здесь должна валяться. Потерпи маленько. Я сейчас.

– Аптечка аптечкой, но ты и контейнер с сывороткой отыщи, пока не стемнело.

– А то я без тебя бы не догадался! Молчи уж, горе ты мое луковое...

Вездеход скрылся в кустах, а Толик, чтобы не быть совсем уж бесполезным, принялся искать вблизи от места крушения все, что могло пригодиться.

Правда, из-за больной ноги круг его поисков был очень сужен. И все-таки Томский отыскал сумку с припасами, которыми их снабдили в дорогу. Собрал рассыпанные банки консервов, пакеты с галетами, поднял свой автомат и убедился в том, что он исправен. Больше ничего из того, что могло бы пригодиться в новой ситуации, не нашлось. Вездеход все не возвращался. Анатолий уже от нечего делать доковылял до повисших на кустах лопастей несущего пропеллера. С них капала вода, а когда Томский коснулся их пальцами, в траву посыпались осколки льда.

Он пытался понять, что же стало причиной катастрофы: «Почему уже через двадцать минут после взлета отлично зарекомендовавший себя ротоплан вошел в штопор? Что это было – теракт, подготовленный тайными недругами из Жуковки, или случайность?»

Анатолий отчаянно копался в памяти в поисках отрывков своих скудных познаний из области авиации: «Может ли иметь отношение к делу обледенение лопастей? Очень даже возможно, но не факт. Да и размышлять на эту тему сейчас некогда. Сначала – разобраться с ногой, сориентироваться на местности, решить, как жить дальше и куда двигаться. Кладбище – уже кое-что».

От раздумий Толика оторвал шум, доносившийся откуда-то сверху: нечто среднее между отдаленными раскатами грома и странным свистом. Томский посмотрел вверх. Небо было покрыто серыми тучами, но одна из них была темнее других и двигалась против направления ветра. Гарпии. Стая из нескольких сотен крылатых мутантов. Руки Анатолия инстинктивно сжали автомат. Однако гарпиям не было никакого дела до человека. Птицы-мыши

пронесли над кладбищем, и скоро шум их крыльев затих вдали. Томский немного знал об этой разновидности мутантов, но впервые видел, чтобы гарпии сбивались в столь большую стаю.

– Толян! Я нашел!

Первой из кустов выскочила Шестера, а затем появился сгибающийся под тяжестью ноши карлик. Анатолий с облегчением вздохнул, увидев в руке Вездехода целый и невредимый контейнер с драгоценной сывороткой.

Кроме того, Носов притащил рюкзак, в котором были фонарики, карта и рожки для «калашей». На лице Вездехода был новый противогаз.

– Есть тут одно уютное местечко, – сообщил Носов, сваливая ношу на землю. – Темновато, но сухо. Дверцы даже закрываются. Склеп. Думаю, там можно передохнуть, перевязать твою ногу и обсудить, как быть дальше.

– Нет уж. Хватит с меня склепиков, гробиков и саркофагиков. – Толик поднял руку, указывая на здание с двумя облезлыми куполами, на одном из которых даже сохранился крест. – Смотри туда. Кажись, часовня. А может, и церковь.

– Значит, в склеп не желаешь. Мертвецов боишься?

– Мы с тобой и сами не раз мертвецами бывали. Чего нам их бояться? Идем, смельчак.

Томский намеренно забрал у Коли большую часть вещей, чтобы показать – он все еще в форме. Однако быстро понял, что форма его, мягко говоря, дышит на ладан – даже если рана и не была серьезной, ходок сейчас из него был никакой.

От церкви, до которой они добрались, продравшись через дебри кустов, остался только кирпичный остов. Крыша во многих местах обрушилась, стены как снаружи, так и внутри были облеплены мхом и ползучими растениями.

Внутри было так же холодно и сыро, как и снаружи, и даже ветер, пробиваясь через дыры в стенах, дул здесь, казалось, сильнее. О том, что здесь когда-то был храм, напоминали только обломки дерева, на которых кое-где еще сохранилась

позолота, да пара валявшихся под ногами икон с едва угадываемыми ликами святых.

Вездеход поднял одну.

– Гм... Вот ты, Томский, до Катаклизма успел немного пожить, когда все это...
Еще... Так был Бог или нет?

– Был. Ведь столько людей в это верили. Возможно, и сейчас есть. Только перестал помогать людям. После того, как они перестали в него верить.

– Да уж... Вряд ли этот дед с бородой, которого тут нарисовали, поможет решить наши проблемы. Молись, не молись. Этот святой и себе-то помочь не смог, а нам – и подавно уж. Что ж, будем сами...

Карлик отыскал более-менее сухое место на одном из облепленных мхом возвышений. Достал из рюкзака карту и поднес ее к свету, проникающему через разбитый витраж.

– Присаживайся, Толян. Значит, мы... Ну, это совсем просто. В этих местах ни одного кладбища нет. Только Рублевское. Нам, между прочим, до Жуковки ближе, чем до Москвы.

– Так-то оно так. – Толик расширил ножом дыру в комбинезоне. – Подай аптечку.

– Сиди уж. Я сам.

Вездеход раскрыл медицинский кейс, достал бинт и занялся ногой друга, который, морщась от боли, продолжил:

– Может, и ближе. Но времени у нас совсем нет. Сыворотку надо доставить на станцию. Это сейчас главное. Пойдешь один. А я тут перекантуюсь. Дождусь тебя. Или... Если очень повезет, то Корнилов узнает об аварии, пришлет помощь. Как тебе план?

Вездеход не относился к типу людей, патетически восклицавших «Я тебя никогда не брошу!». Он всегда трезво оценивал ситуацию и умел из двух зол

выбирать меньшее.

– Правильно, Толян. Я тоже другого выхода не вижу. Еда-вода у тебя есть. Автомат и патроны – тоже. Как-нибудь продержишься. А мне одному сподручнее будет до наших добираться. Подругу тут оставляю, чтоб ты не скучал. Слышишь, Шестера, присмотри за этим обалдуем!

Понятливая ласка спрыгнула с плеча Коли и уселась рядом с перевязанной ногой Толика.

– Значит, договорились. – Томский вскрыл пакетик с аспирином, снял противогаз и проглотил пригоршню таблеток. – Возвращайся побыстрее. Мало ли... Ты пока по кустам лазал, я огромную стаю гарпий видел. Если такая орава кем-нибудь заинтересуется – пиши пропало.

– Гарпии... Не хотел тебя расстраивать, Толик, но и я тоже кое-что видел. Прямо за оградой кладбища. С десятков варанов. Тоже в стаю сбились, мать их так. Что происходит, а?

– Мало ли... Миграции-хренации. Кто этих мутантов поймет... И все-таки, Коля, не тяни с возвращением.

– На то я и Вездеход, чтоб уходить и возвращаться.

Сборы были недолгими. Значительная часть скудного запаса продуктов досталась Анатолию – карлику еды требовалось меньше.

Вездеход забросил свой рюкзачок на плечи, пристроил автомат на груди, а на голову, поверх противогаза, натянул свою знаменитую бейсболку – как всегда козырьком назад. Затем он двинулся к выходу и, стоя в дверном проеме, в свете угасающего дня, помахал рукой.

– До встречи!

– Пока, Колян!

Томский остался один и стал готовиться к ночи, которую, хочешь не хочешь, ему предстояло провести в заброшенной часовне. Толя уложил на возвышение пару досок, поднял и поставил к стене выцветшие иконы, еще раз проверил автомат и, разложив перед собой запасные рожки и фонарик, стал наблюдать за спускающимися на кладбище сумерками.

Думая о жене и сыне, незаметно для себя он обратился к Богу с просьбой. Просил, чтобы Вездеход не задержался в пути и доставил сыворотку вовремя. Тут и вспомнился вопрос Носова о существовании Всевышнего. Скользкий, очень скользкий вопрос. Карлику было куда проще – он родился и вырос уже после Катаклизма, привык выживать, не надеясь на помощь грозного, но справедливого седобородого старика, обитающего где-то среди облаков. Мир мутанта Коли был прост и понятен: есть люди, забившиеся в подземелья, и есть твари, которым ядерная зима – мать родная. И все. Местечко для Бога в этой стройной иерархии не предусматривалось.

Мир Томского был куда сложнее и многограннее. Он был заражен вирусом веры, еще помнил перезвон колоколов московских церквей, толпы верующих, спешивших на службу. Видел женщин в платках, мужчин с обнаженными головами, которые стояли у икон, перед теплыми огоньками свечей. Верующие рассматривали Катаклизм как Божью кару, а ядерные ракеты, стершие Москву с лица земли, считали разновидностью огненного смерча, павшего некогда на Содом и Гоморру. И многие из них верили до сих пор. И в Бога, и в дьявола. Как говорится, по ситуации, в зависимости от обстоятельств.

«Бог – шкала, по которой человек измеряет свою боль. Чем сильнее эта самая боль, тем крепче вера». Томский не помнил, кто сказал эти слова. Возможно, он додумался до них сам.

Размышления Толика о Всевышнем были вдруг бесцеремонно прерваны. На этот раз не было ощущения приближающейся угрозы – просто легкий толчок в спину. Томский вскочил, охнул от боли, пронзившей ногу, и обернулся к возвышению, о которое опирался спиной. Только теперь он понял, что возвышение это выпадало из общей схемы церкви. Оно находилось почти в центре храма, но не имело ничего общего с алтарем, поэтому казалось теперь чужеродным этому месту.

– Шестера! Эй, Шестера! Куда ты подевалась?

Томский включил фонарик, чтобы еще раз, уже внимательнее, осмотреть место, на котором собирался коротать ночь и... «Вот это хрень! – покрываясь от ужаса холодным потом, подумал он. То, что показалось ему сначала замшелым параллелепипедом, таковым не являлось. – И как я сразу не понял! Длина – два метра, высота – сантиметров сорок. Скошенные концы... Гроб!» Он разбил лагерь у гроба, крышка которого теперь шевелилась так, словно существо, находившееся внутри, собиралось выбраться наружу!

«Без паники, товарищ Томский, – мысленно стал успокаивать сам себя Анатолий. – Меньше двух часов назад сам хвалился тем, что давно на «ты» с мертвецами. Так чего дрожишь? Может, не было никакого толчка. Может, не сдвигалась крышка. Просто у тебя начался жар. Гроб? А что, собственно говоря, ты рассчитывал найти в кладбищенской часовне? Перевязанную алой ленточкой картонную коробку с рождественским подарком? Гроб. Он сохранился потому, что жители Рублевки имели возможность хоронить своих родственников в дорогущих гробах из дуба. А этот вид древесины необычайно прочен. Как вышло, что гроб остался в храме? Да очень просто. Покойника отпели, но зарыть не успели. Так что без истерик».

Анатолий был почти готов к тому, чтобы поверить своим же объяснениям, но тут крышка гроба вновь дернулась и сдвинулась на целый сантиметр. Мертвец попытался покинуть свое укрытие! «И что теперь? Целиться в него из автомата или, вооружившись верой, взять икону и произнести “Изыди!”?» – уже поддаваясь панике, думал Томский.

Еще пара толчков – и крышка гроба, плавно съехав с основания, мягко упала на мох. Анатолий ожидал увидеть мертвеца с пустыми глазницами и разнести ему череп короткой очередью, но увидел кое-что похуже. Из гроба выбрался червь с ромбовидной чешуей. Голова его приподнялась, а мерзкие розовые щупальца, образывавшие венчик, зашевелились, словно принюхиваясь.

Встреча со старым знакомым совсем не обрадовала Толика. Расстояние позволяло убить червя одиночным выстрелом, но гарантии, что за первым не приползут другие, точно не было.

Томский затаил дыхание: «Не двигаться. Помнить о том, что этот монстр молниеносно реагирует на вибрацию. Позволить ему убедиться в том, что вокруг нет ничего живого и дать убраться под землю без боя».

Червь покачал туловищем. Изогнулся и... Одним броском оказался у ног Толика.

Томский окаменел. Не потому, что так решил. Просто руки и ноги парализовало от ужаса. Послышалось шуршание. Это чешуйки терлись о ткань защитного комбинезона скованного страхом Анатолия. Тварь нарочито медленно, словно играя с человеком, обвилась вокруг его ноги.

«Как долго червь будет издеваться? Когда, наконец, раскроет карты и даст понять, что давно почуял добычу?»

Словно услышав мысли Томского, червь освободил его ногу и быстро, взрывая мох упругим, как пружина, туловищем, пополз к выходу. Толик посмотрел в сторону двери и мысленно выругался. От назойливого общества червя его избавило появление другого монстра – на пороге храма, сверкая желтыми глазами, стоял варан.

Он смотрел на Толика до тех пор, пока червь не отвлек его внимание. Заметив конкурента, варан зарычал и попятился, принимая боевую стойку. Громко клацнули клыки, когда ящер попытался схватить червя и промахнулся. Нового шанса варан не получил. Червь приподнялся и... Словно выпущенная из лука стрела, насквозь пробил варана. Гигантская рептилия закружилась на месте, пытаясь освободиться от засевшего в ней инородного тела. Червь целиком скрылся внутри варана и движения ящера замедлились. Он издал протяжный рев, лапы его разъехались в стороны, а желтые глаза потухли. Последний раз взмахнув хвостом, варан умер, но труп его продолжал подергиваться – червь пожирал внутренности добычи.

Толику оставалось лишь наблюдать за этим страшным пиршеством. Он надеялся, что, насытившись, гад уберется под землю. Именно это, видимо, и собирался сделать червь, когда наконец выполз через кровавое отверстие, сделанное им в боку мертвого ящера.

Чешуя ползучей твари блестела от крови, а туловище заметно распухло. Какое-то время сытый червь лежал, не двигаясь, а затем начал извиваться, зарываясь в мох и разбрасывая вокруг гнилые щепки досок пола. Вскоре на поверхности остался лишь хвост мутанта. Однако бой на этом не закончился. В часовню стремительно влетел второй варан. Перепрыгнув через труп сородича, он вцепился в хвост червя и одним рывком выдернул врага наружу. Ящер дернул

массивной головой, подбрасывая извивающуюся добычу в воздух, и, разинув пасть, проглотил того, кто совсем недавно сам был удачливым охотником. В темном проеме двери появились еще две рептилии и сразу принялись рвать на части убитого червем собрата.

Томский понимал: когда вараны покончат с трупом, то займутся им, человеком. И ошибся. За спиной послышался шорох, зашевелился мох, и на поверхность, шурша чешуйками, один за другим, стали выползать новые черви, привлеченные вибрацией, которую создавали пирующие вараны.

Мюнхгаузен, оказавшийся между крокодилом и львом, должно быть испытывал то, что сейчас чувствовал Толик: позади него извивались черви, а выход из часовни преграждали вараны. Причем человек не участвовал в схватке, а был сторонним наблюдателем, заброшенным злодейкой-судьбой в самый центр предстоящего побоища. Смысла таиться больше не было. Анатолий стал медленно отступать к стене. Он должен был занять удобную позицию и быть готовым к своему выходу на сцену.

Между тем в часовне начало твориться нечто невообразимое. Через дверной проем вбегали все новые вараны, а пол ходил ходуном из-за червей, выползающих на поверхность. Зрелище было одновременно жутким и завораживающим. В поединке встретились равные по силе противники, которых толкал вперед уже не только голод, но и ярость.

Летели во все стороны куски плоти: перекушенные пополам черви смешивались с кусками мяса, оторванными от варанов.

Ни ящеры, ни черви сдаваться, похоже, не собирались, и Томский решил воспользоваться неразберихой, чтобы выбраться наружу. Он начал продвигаться между беснующимися монстрами и был уже в паре метров от двери, когда удача повернулась к нему спиной. Подвела больная нога, которой Толик зацепился за что-то. Поскользнувшись в луже крови, он со всего маха шлепнулся на землю. Падение человека привлекло внимание варана, оказавшегося ближе остальных. Продолжая пережевывать червя, ящер ринулся к Томскому.

Толик перекатился на живот, поднял автомат и всего за секунду до того, как варан вцепился ему в ногу, нажал на курок. Очередь снесла ящерицу верхнюю часть черепа, но и умирая, мутант пытался довести начатое до конца. Томский с

трудом высвободил ногу из пасти агонизирующего монстра и пополз к двери.

Он не видел того, что творилось сзади, и был в этот момент абсолютно беззащитен: мог стать легкой добычей как для червей, так и для варанов. Вцепившись руками в ряд потрескавшихся кирпичей, Томский перевалился через порог и... Уперся головой в какое-то препятствие.

Через заляпанные кровью окуляры противогаза он увидел испачканные грязью «берцы». Чья-то сильная рука подняла Томского и перебросила через порог. Шлепнувшись на землю, Толик отчаянно пополз в сторону могил. Добравшись до первого памятника, он оглянулся. На спине спасителя, все еще стоявшего на пороге часовни, висела внушительных размеров ржавая емкость. А сам незнакомец, сжимая в руках раструб огнемета, поливал тугой струей огня попавших в западню червей и варанов. Человек этот – среднего роста, отнюдь не богатырского телосложения, с длинными седыми волосами, прижатыми к голове тесемками противогаза, – вел себя так спокойно, словно сжигание тварей было его повседневной работой.

Закончив, спаситель сунул раструб огнемета в специальную скобу, закрепленную на широком брезентовом ремне, и наклонился, чтобы взять прислоненную к стене винтовку незнакомой Толику конструкции. Отступив чуть в сторону от входа, мужчина прижал оружие к плечу и встретил выбегающего из часовни варана выстрелом в упор.

Томский понял, почему вид винтовки вызвал у него удивление: слишком массивная подствольная часть и толстый ствол, едва слышный хлопок – винтовка была пневматической.

Обожженный варан дернулся, завертелся на месте, яростно размахивая хвостом с шипастой булавой на конце. Ловко избегая ударов, стрелок приставил ствол к голове рептилии. Ту-у-к! Поверженный варан завалился набок и затих. Какое-то время мужчина смотрел внутрь часовни, убеждаясь, что с мутантами покончено. Потом обернулся к Томскому:

– Прочь! Пошел прочь! Кому сказано?!

Глава 2

Ученик Лота

Комната в одном из подземных бункеров Жуковки была достаточно просторной, но настолько загроможденной мебелью и рядами никелированных вешалок, что передвигаться по лабиринтам этой костюмерной можно было только с проводником, знавшим здешние пути-дороги. Лучше других знал их создатель этого лубочного мирка, стоявший в этот момент перед большим зеркалом. Худой, узкоплечий мужчина – в черном, расшитом серебряными нитями трико – только что снял белый долгополый пиджак, розовую сорочку с жабо и расклешенные брюки. Теперь он бережно развешивал все это на плечики.

На его сморщенном, изрезанном морщинами лице то и дело появлялась гримаса недовольства. Физиономия его была настолько подвижной, что в отражении чувств этого человека участвовало все: бородка-клинышек, узкие «а-ля Сальвадор Дали» усики и вытянутые пластической операцией «в трубочку» губы.

Бывший стилист, неплохой парикмахер и абсолютно бездарный певец – Сергей Кроликов перебрался в Жуковку из Барвихи благодаря непомерным амбициям Мистера Бронкса.

Наполеоновские планы Бронкса рассыпались как карточный домик, а покинувшему уютное барвихинское гнездышко Кроликову пришлось осваиваться на новом месте. В этом ему помог старинный друг – экстрасенс Иван Хад, называвший себя потомственным славянским колдуном-характерником, сыном, внуком и правнуком украинских чародеев.

Этому кудеснику в десятом колене легко удалось убедить жуковскую элиту в том, что без дельных советов духов, чьим переводчиком он якобы являлся, никто не сможет и шагу ступить. В итоге Иван получил две просторные комнаты в богемном бункере, одну из которых и уступил бездомному барвихинскому скитальцу Сергею.

Сейчас чародей сидел в глубоком кресле, вертя в руках хрустальный шар и наблюдая за сборами дружка. Иван, в отличие от Кроликова, не считал нужным следить за фигурой, поскольку был уверен, что нынешнее его тело – лишь

временное пристанище бессмертной души и большого значения не имеет. Кушал он за четверых, слыл знатоком вин и располнел так, что стал походить на императора Нерона в конце его правления. За тройным подбородком не было видно шеи, а пухлые, испещренные пигментными пятнами щеки занимали половину лица, превратив глаза в узкие щелки.

Кроликов собирался настолько тщательно, насколько мог это делать тот, кто очень дорожит собственной жизнью. Поверх теплого трико бывший король гламура натянул обычный прорезиненный комбинезон. Когда Сергей делал это, выражение отвращения не покидало его безвременно увядшего, несмотря на все косметические потуги, лица. Все антирадиационные наряды стилист возненавидел с того дня, когда впервые вынужден был в них облачиться. Слишком тяжелая, неудобная и скрывающая изгибы его точеной фигуры одежда из коллекции «Ядерная зима-2033», как ее ни совершенствуй, оставалась всего лишь разновидностью обычного мешка.

Именно поэтому Кроликов не выходил на поверхность без крайней необходимости, предпочитая сидеть в бункере, в своей костюмерной, коротая время за примеркой новых нарядов, беседуя с богемными друзьями-подружками, загнанными в подполье.

Сергею приходилось участвовать в политической жизни Барвихи, поэтому он всегда был в курсе событий, происходивших в столице, но при этом испытывал одинаковую ненависть как к Бронксу, так и к фараону Садыкову, его наследнику Ахмаеву и к нынешнему правителю – небритому, вечно воняющему потом, грубияну Корнилову, который принес в Жуковку новые потрясения, сопровождаемые стрельбой и мородобоем.

А Кроликов не терпел физического насилия и давно завязал даже с такими его безобидными проявлениями, как кожаные трусы и садомазохистская плеточка.

– О, черт! – Надевая противогаз, Сергей поранился о металлическую застежку и принялся сосать палец, на котором выступила капелька крови. – Да когда ж это все кончится!

– Никогда! – со смешком заметил Хад. – Духи говорят, что до лучших времен никто из нас не доживет...

– Пошел в жопу вместе со своими духами! – взвизгнул Кроликов. – Не до тебя!

– А чё такого я сказал? – обиделся Хад. – К советам духов прислушиваться надо. Вот помню, в восьмом сезоне шоу «Битва экстрасенсов» я вышел в финал и победил только потому...

– Ой, мамочки-божечки! Да заткнись же ты, Ваню! Духи тебе не советовали наверх сходить? Конечно же, нет! Небось, рекомендовали сидеть в этой норе и дрожать от страха? Вот так духи! Духи-ссыкуны!

– Да как ты смеешь?!

Оскорбленный нападками друга на духов, Хад встал, прошел к двери и, выходя, хлопнул ею так громко, что Кроликов даже подпрыгнул.

Сергей не отличался чрезмерной храбростью и свое подземное логово собирался покинуть лишь потому, что кроме него не нашлось никого, кто отважился бы выйти на поверхность.

Терпеть дальше было невозможно. Ходили слухи о заговоре и аресте заговорщиков, о боях, которые вели войска Корнилова с объединенными силами интервентов из Метро, ромашковской банды и отрядов Бронкса.

Шептались о том, что победить Корнилову помог некто Томский – получеловек-полуробот, не знающий страха терминатор, которого не брали пули, – и его спутник, карлик, который с помощью колдовских приемов был способен перемещаться во времени и пространстве. Болтали даже о немыслимом: будто бы Томскому и его подручному, карлику, удалось припереть к стене самого Конструктора.

– Ну уж это – полный анекдот, – вслух сказал Сергей, натягивая перед зеркалом изготовленный по специальному заказу противогаз. – Кишка у них тонка!

Процесс одевания был завершен, но Кроликов еще долго вертелся перед зеркалом – убеждался в том, что защитный комбинезон сидит на нем достаточно хорошо.

После этого Сергей двинулся к выходу, толкнул толстую бронированную дверь.

В конце освещенного люминесцентными лампами коридора, опираясь на перила стальной лестницы, стоял человек, в котором Кроликов не сразу узнал уже успевшего переодеться Хада. По всей видимости, критика сделала свое дело, и Иван решил доказать, что и он, и его духи-советчики не относятся к числу трусов.

- Так ты со мной? - спросил Сергей.

- Ага, - кивнул Хад. - Решил проветриться...

- Что тут сказать? Мужик! Давно бы так!

Стилист и экстрасенс поднялись по лестнице, прошли еще несколько бронированных дверей и, наконец, оказались на поверхности. Какое-то время они стояли, осматриваясь по сторонам. Поскольку последний раз выходили друзья из подземелья давно, они поразились изменениям облика столицы Рублевской Империи. Мусор на бетонных дорожках и развороченный взрывом бок Пирамиды невольно наводили на мысль о закате эры фараонов.

Было около двух часов дня. На небе, затянутом серой дымкой облаков, светился мутный диск солнца, заставляя поблескивать покрытые тонкой коркой льда лужи. Резкие порывы ветра сбивали сосульки, свисавшие с крыш. В сравнении с затхлым уютом подземных убежищ наземная часть Жуковки выглядела не очень-то комфортно.

Из-за угла «Плазы» появился солдат. Узнав по особенностям наряда представителей богемы, он остановился.

- А вы чего тут шляетесь?

- А что, при новом порядке уже и выйти из бункера нельзя? - резким тоном спросил Кроликов, оскорбившись непочтительностью военного. - Мы под домашним арестом?

– Какой арест? Кому вы нужны? Просто здесь, на поверхности, нынче неспокойно. Хотите найти приключения на свои задницы – гуляйте!

Солдат ушел, а Кроликов и Хад, следуя его совету, начали гулять. Они бродили целый час, но ничего нового так и не узнали. Группы гостей и военных проходили мимо, не обращая внимания на богемную парочку. Часовые на сторожевых вышках не отрывали глаз от биноклей и о чем-то переговаривались, им тоже было не до стилистов и экстрасенсов. Человек двадцать гостей разбирали завал у Пирамиды. С одним из них Кроликову и удалось завязать разговор. Сергей осторожно поинтересовался последними новостями, и его словоохотливый собеседник сообщил:

– Да заговоры уже в прошлом. Нападение тоже отбито. Тут другая проблема нарисовалась. Движуха какая-то непонятная вокруг Жуковки. Мутанты из всех щелей вылезать начали. Говорят, все из-за того, что какую-то хрень в лесу разбомбили...

– Не видно что-то мутантов, – заметил Хад.

– А на то они и мутанты, чтоб маскироваться и появляться неожиданно. Шли бы вы лучше к себе в бункер, да и сидели б там, пока все не прояснится.

Сергей и Иван переглянулись. Второй раз за день они получили совет не высовываться на поверхность и, не сговариваясь, пошли к двери своего бункера. Они были всего в нескольких шагах от входа, когда раздался треск автоматных очередей. Стреляли часовые на одной из вышек. А вскоре к ним присоединились остальные.

– В кого они палят? – Хад приложил ладонь ко лбу. – Чет не видно... Может, просто учебные стрельбы?

– Учебные или не учебные, а сматываться отсюда надо. – Кроликов потянул Ивана за рукав. – Предупреждали же нас... Пойдем!

Хад вырвал руку. Ему почему-то приспичило разобраться в том, что происходит.

– Ну, брат, как знаешь...

Сергей оставил попытки затащить друга в бункер и сунул руку в карман, чтобы достать магнитный ключ. И в это мгновение на бетонную дорожку упала тень. Все выглядело так, будто бы солнце закрыла туча. Только туча эта издавала звук – словно воздух свистел, разрезаемый множеством крыльев.

Кроликов в этот момент был у стены бункера. Поэтому внимание стаи пикирующих гарпий привлек стоящий на открытом месте Хад. Крылатые мутанты моментально облепили его с ног до головы. Иван пытался бежать, размахивал руками, но движения его лишь распалили ярость и аппетит монстров. В разные стороны полетели обрывки защитного костюма и резиновые ошметки противогаса. На бетонную дорожку брызнула кровь. Хад завопил и упал. Мерзкие голые шеи гарпий раздувались от проглатываемых кусков мяса. Щелкали страшные клювы.

Кроликов вдруг понял: вместо того чтобы бежать со всех ног, он стоит на месте, наблюдая за гибелью друга – так, словно ему самому ничего не угрожает. Он рванулся к двери, забыв о магнитном ключе, который сжимал в руке, врезался в стальную плиту и, отлетев на метр, приземлился на задницу.

Гарпии продолжали рвать на куски уже мертвого Хада и увлеклись этим делом настолько, что не заметили появления конкурента – камнем рухнувшего с неба птеродактиля, который, покачиваясь и балансируя раскрытыми крыльями, подбежал к месту пиршества, схватил ближайшую гарпию и перекусил ее пополам. Пока вновь прибывший крылатый охотник разгонял своих соперниц, упорно не желающих делиться добычей, Сергей ползал по бетонной дорожке, пытаясь отыскать ключ. Карточка была где-то совсем рядом, но охваченный паникой, Кроликов никак не мог ее найти. Вдруг все стихло.

Стоя на четвереньках, Сергей обернулся. Птерозавр внимательно смотрел на него. Раскаленные угли глаз монстра не обещали ничего хорошего. Человек медленно поднялся. Он видел лежащего позади птеродактиля мертвого друга, уже наполовину обглоданного, и молил Бога о том, чтобы крылатый монстр вернулся к отбитой у гарпий добыче.

– Ну же! Жри его. Зачем тебе я, птичка? Хад гораздо толще. Посмотри, сколько мяса там осталось! Свежего. Такого, как ты любишь...

Птеродактиль не поддавался уговорам и засеменил к Кроликову. Их разделяла всего пара метров, когда Сергей вдруг пронзительно закричал. Ужас заставил его голосовые связки издать невыносимый для человека звук – нечто среднее между воем сирены и свистом стабилизаторов падающей авиационной бомбы.

Монстр остановился, дернул головой и, резко развернувшись на месте, бросился к трупу Хада, подхватил его и взмыл вверх. Кроликов вопил еще с полминуты, а потом зарыдал.

Но напуганному этим воплем мутанту так и не удалось покинуть пределы Жуковки. Его сбили над Первым Периметром. Прошитый автоматными очередями, птерозавр выронил добычу и врезался в гребень стены, выбив несколько кирпичей.

Кроликов наконец увидел ключ. Поднял его дрожащими руками. Все еще всхлипывая, бедолага никак не мог попасть карточкой в прорезь замка. Потом оставил это бесполезное занятие. Шатаясь, как пьяный, подошел к луже крови на бетонной дорожке.

– Хад сдох. Духи его обманули. Хи-хи-хи. Сдох.

Сергей так и остался бы рассуждать о подлости духов, с которыми общался покойный экстрасенс, если бы не подоспевшие солдаты. Они отвели Кроликова в бункер и, видя, что он едва держится на ногах, помогли спуститься по лестнице. В коридоре, предоставленный самому себе, Кроликов вновь заплакал. До нынешнего дня он знал о смерти только понаслышке и считал, что старуха с косой не посмеет приблизиться к нему – бывшему королю российского гламура.

Но она приблизилась. Обдала его своим холодным дыханием. Показала скелет Хада с повисшими остатками плоти. Намекнула Кроликову о том, что она всегда рядом.

Сергей вспомнил о том, что так и не снял противогаз, и, разозлившись, сорвал его с головы, швырнул на пол и топтал до тех пор, пока не треснули стекла.

– Дело не во мне! В них! Они пытаются отобрать у меня последнее и готовы ради этого сдохнуть сами! Они привели сюда мутантов! Они... Ничего. Я... Я еще покажу им всем! Они...

Добравшись до своей комнаты, он, не раздеваясь, плюхнулся на кровать. Какое-то время плакал. Потом смеялся. Рыдая в очередной раз, уснул со слезами на щеках. Проснулся уже ночью в липком поту – из-за того, что так и не снял защитный костюм, и из-за кошмара, центральной фигурой которого был Хад, прыгающий перед Кроликовым, трясуший ошметками повисшей на оголенных костях плоти, смотрящий на Сергея изуродованными гарпиями пустыми глазницами и вопящий:

– Я скопытился! Я умер и теперь живу в мире духов! Сбылись мои мечты!

Кроликов встал, разделся, опять лег в кровать и нажал кнопку пульта от встроенного в стену телевизора – хотел отвлечься от горестных мыслей. Но телевизор не помог. После смерти Луши передачи в рамках проекта «Бункер. Город любви» больше не выходили, и жуковские телевизионщики без конца повторяли прошлые выпуски, которые надоели стилисту еще в Барвихе, при жизни создательницы «Бункера».

Сергей выругался и швырнул пульт в экран. Хрясь! По поверхности матрицы расползлись трещины, но телевизор продолжал работать. Только вместо гламурных и очень склочных парней и девушек на экране появился седобородый старик в длинном белом хитоне.

– Здорово, Кроликов! Маешься?

– З-з-здрав... вуйте...

Сергей потер кулаками глаза, но нахальный бородач не исчез.

– Не бойсь, Серега. Я к тебе по делу.

– Кто ты... Вы?

– Лот. Сын Арана, брата Авраама.

– Какого Авраама?

– Того самого. Я сопровождал его в Ханаан и жил в Содоме, который в сравнении с вашей нынешней Жуковкой – просто образец благопристойности.

– Ерунда, старик. Ты просто мне кажешься.

– Кажусь? Как бы не так!

Лот высунул голову из экрана, осмотрелся и, опираясь руками о пол, выполз из телевизора. Кроликов вскочил, отбежал в дальний угол комнаты и спрятался среди своих концертных костюмов. Просидев там минут десять и решив, что призрак библейского персонажа покинул комнату, он выбрался из своего укрытия, сел на кровать, вытер ладонью взмокший от пота лоб.

– Фу-у... Крыша едет от всех этих дел...

– Я бы даже сказал: уже съехала. – Морщинистая рука легла на плечо Сергея. – От меня не так просто избавиться.

Кроликов повернул голову. Старик в хитоне сидел рядом и опять улыбался.

– Оставь меня в покое! – взмолился Кроликов. – Ради Бога...

– Дурак ты. Если бы Мария, встретившись с архангелом Гавриилом, просила оставить ее в покое, она никогда не стала бы Богородицей. Веруй, Кроликов, и будет тебе счастье. А впрочем... Чего мне распинаться перед содомитом? Уж кто-кто, а я знаю вашу заднеприводную братию. Значит, хочешь, чтобы я оставил тебя в покое? Не желаешь быть избранным? Не рвешься стать последним пророком? А я-то считал тебя честолюбивым парнем. Как знаешь, брателло, как знаешь...

– Я не знаю... Не знаю, кем хочу быть. Не знаю, во что верить.

– Верь своим глазам, мой друг. – Лот встал, раскинул руки, приняв позу проповедника. – Ты ведь был наверху. Видел, что там происходит. И это – только начало. За гарпиями и птеродактилями придут другие. Вы называете их мутантами, чудовищами, но они – посланники Божьи, призванные наказать жителей Рублевки за гордыню, повторить то, что уже однажды случилось в

Содоме и Гоморре. А тот, кто назвал себя фараоном, бросил вызов Господу, поплатился за это, умер и теперь горит в аду. За ним пришли другие правители, которые были еще хуже. Разве не так, Кроликов? Сейчас привычный уклад вашей жизни уже разрушен. Жуковкой правит антихрист Корнилов. Он делает все, чтобы приблизить конец. Скоро столица Рублевки будет повергнута в прах. И когда сюда спустятся ангелы с пылающими мечами в руках, от гнева Божьего спасутся только праведники.

– Только праведники, – повторил, как заклинание, Кроликов. – Праведники... Что я должен делать?

– Как бы ни банально это звучало – нести свет истины. Расскажи всем, кто еще способен хоть что-то понимать, о том, что ты – реинкарнация библейского Лота. Поведай о приближении Армагеддона. А я... Я буду рядом. В трудную минуту приду на помощь, дружище. – Лот протянул Сергею руку. – Ну как, договорились?

Мысли Кроликова путались, но он протянул Лоту руку.

– Ну а теперь мне пора. – Лот направился к телевизору. – Как говорится: наше вам с кисточкой.

На экране появилось изображение пылающего города. С неба, оставляя в воздухе оранжевые огненные борозды, на дома сыпались метеориты. Лот влез в экран и уже оттуда помахал Кроликову рукой. За плечами старика распахнулись черные перепончатые крылья, а глаза его загорелись красным светом, как у птерозавра, с которым Сергей столкнулся пару часов назад. Лот взмахнул крыльями и растворился в озаренном отсветами пожаров ночном небе.

Кроликов остался один перед потухшим, разбитым экраном телевизора и погрузился в размышления. Носили они сугубо практический характер. Пророк он или нет, реинкарнация Лота или просто спятивший от страха человечиска, но комната Хада теперь была свободна. Из этого следовало только одно – прежде чем вписывать свое имя рядом с именами Иеремии, Моисея и Даниила, требовалось заявить о своих правах на жилплощадь покойного колдуна.

Богемные коллеги, конечно же, всегда стояли выше житейской суеты, но за право обладать уютной комнатой в подземном бункере могут порвать на куски

любого, дав сто очков форы самому злобному птеродактилю.

Сергей решил переодеться и подготовиться к схватке по квартирному вопросу, но тут взгляд его упал на выдвинутый ящик прикроватной тумбочки.

Он не помнил, как выдвигал ее. Кроликов подошел к тумбочке и выдвинул ящик до конца. Там не было ничего, кроме толстого фолианта в черном переплете, на обложке которого было оттиснуто золотом – «Библия».

Сергей взял книгу в руки и принялся листать. Его нельзя было назвать полным невеждой. При случае он мог порассуждать и об Иисусе, знал имена пары-тройки ветхозаветных пророков, смотрел как-то фильм об Аврааме и помнил, что жена Лота зачем-то превратилась в соляной столб.

Но Кроликов все же понял, насколько скудны его познания в богословии. Позабыв о плане захвата комнаты Хада, Сергей сел на кровать и продолжил листать Библию.

– Лот... Лот. Бытие. Ага. Лот... Два ангела пришли в Содом к вечеру, и Лот сидел у ворот города. Увидев их, он встал им навстречу и поклонился до земли. Так, значит... До земли...

Сергей так увлекся, что читал священное писание несколько часов кряду, и остановился лишь после того, как начали слипаться глаза.

Снимая перед сном трико, он остановился у зеркала, взглянул на собственное отражение и чуть не брякнулся в обморок – из зеркала на него смотрел не стареющий король гламура, а седобородый старик в белом, расшитом серебряными нитями хитоне.

Глава 3

Монте-Декстер

– Прочь! Сколько раз повторять?!

Толик с удивлением смотрел на своего спасителя. Теперь, когда они стояли лицом друг к другу, Томский видел, что незнакомец явно долго жил вдали от цивилизации: вместо противогаза на нем была самодельная маска – грубый симбиоз очков с толстыми линзами и респиратора.

Защитный костюм тоже не блистал новизной. По-хорошему, это были лохмотья, состоявшие из лоскутов резины и свинцовых пластин, скрепленных между собой проволокой.

Томский с огромным удовольствием собрался было пойти прочь, как его просил этот странный тип, и уже поворачивался, но незнакомец направил на него ствол пневматической винтовки.

– Эй! Куда собрался, паря? Это я не тебе.

– А кому?

– Неважно. Проехали. Откуда ты, куда и зачем?

Тон мужика был не особо деликатным. Толик хотел уже ответить грубостью, но, чувствуя все же себя обязанным за спасение, сказал:

– Из Жуковки. В Метро. Наш автожир...

– Гм... Из Жуковки, – бесцеремонно перебил Анатолия незнакомец. – Так я и думал. Из Жуковки. Ну, пошли!

– Куда?

– Ты слишком любопытный. Могу оставить тебя здесь, если хочешь. Дождидайся, пока придут вараны или вылезут наверх черви. Куда-куда. На кудыкину гору! Какая тебе разница? В безопасное место!

– Ну, если в безопасное... Я – Томский. Толик. А вы?

– Я? Тут стоит поразмыслить. Может быть, граф Монте-Кристо? Какое-то время я провел в страшной темнице, откуда не было выхода. Многие пришлось пережить. А когда все-таки выбрался, отыскал бесценный клад и посвятил свою жизнь мщению. Так сказать, стал воздавать аз. М-да. Конечно. Так и есть. Зови меня Монте-Кристо.

«А мужик-то не без тщеславия. Куда хватил. Монте-Кристо! Не очень-то ты похож на графа», – подумал Томский. Вслух он говорить этого, естественно, не стал. Монте-Кристо хоть и вел себя вполне дружелюбно и шагал рядом, но не снимал тем не менее указательного пальца со спускового крючка винтовки.

– Монте-Кристо, так Монте-Кристо...

– Вот и познакомились. Нам – туда.

«Туда» начиналось сразу за оградой кладбища и оказалось непроходимыми делями из поваленных деревьев, сцепившихся ветвями, колючих кустов и хлюпающей под ногами грязи. Но спутник Томского чувствовал себя здесь вполне уверенно: пригибался, когда это было нужно, ловко перепрыгивал через толстые, скользкие стволы и раздвигал плечом кусты.

Толику приходилось куда труднее. Из-за больной ноги он едва поспевал за своим проводником. Впрочем, справляться с физическими страданиями было ему не впервой. Больше Томского беспокоило другое: его не покидало ощущение того, что за ними кто-то следит. Он, конечно, мог ошибаться, но... Кому тогда предназначалась фраза, сказанная Монте-Кристо на кладбище? Кого он прогонял?

Толик постоянно оглядывался, и однажды ему даже показалось, что он что-то увидел. Не фигуру. А два поблескивающих в свете луны пятна. Глаза?

О том, кто наблюдает за ними, мог знать Монте-Кристо. Но он молчал. И Толик думал о том, как бы разговорить своего загадочного спутника: «Надо найти какую-то тему, которая бы его заинтересовала. Может быть, оружие? Монте-Кристо явно знает в нем толк. Бережно обращается с винтовкой». Томский все же решился и произнес:

– Я заметил, что винтовка у вас пневматическая.

– Если быть точным – мультикомпрессионная. Переделана из «Кросмана тысяча семьдесят семь». Знатоки ее называют «Крысом» или «Крысманом». Вставляешь баллон со сжатым воздухом под ствол и... Отличная штука, если требуется кого-то завалить, не поднимая много шума.

– Да. Я видел. Варан...

– В былые времена «Крыс» ценился за то, что владеть им можно было без лицензии. Ну а сейчас, как ты понимаешь, все у нас без лицензии.

Разговор было завязался, но тут чаща закончилась. Путники оказались на открытой местности. А прямо перед ними возвышалась темная громада водонапорной башни из красного кирпича. Насколько Томский мог рассмотреть, узкие окна башни, расположенные на высоте двух этажей, были заколочены и тщательно заделаны, как и входная дверь, к которой вели две растрескавшиеся бетонные ступеньки. С одного бока к стене башни крепилась ржавая пожарная лестница, предусмотрительно обрезанная так, что последняя ступенька находилась на высоте четырех метров.

– Вот мы и дома, – объявил Монте-Кристо. – Как тебе мое логово?

– Впечатляет.

– Еще бы! На том и стоим. Постройка старая. Башня построена в те времена, когда на изготовлении кирпича еще не сэкономили. Думаю, будет стоять и после того, как я сдохну.

Тут Толик услышал за спиной хруст ветки и успел обернуться еще до того, как выдавшее себя существо успело скрыться в чаще. Это был мужчина. Абсолютно голый, страшно худой, с широким, выпуклым лбом, узким подбородком и глазами, размер которых превосходил обычные человеческие органы зрения не меньше, чем в два раза. Двигался этот человек тоже странно – пригнувшись так, что руки его почти доставали до земли.

Томский встретился с ним взглядом всего на секунду, но этого вполне хватило, чтобы испытать целую гамму чувств. Глаза незнакомца прожигали насквозь и, казалось, проникали под черепную коробку. Толик поежился. Он на мгновение

ощутил, как кто-то чужой и очень враждебный роется у него в мозгу.

«Видел ли пучеглазого Монте-Кристо?» Анатолий обернулся к своему спутнику. Тот сидел на корточках и возился с большим навесным замком, запиравшим хорошо замаскированный люк. Наконец хозяин башни откинул крышку и махнул Томскому рукой.

– Милости прошу ко мне, господин из Жуковки. У нас тут, конечно, нет персидских ковров и душевых кабин, но гостям мы всегда рады.

– Мы?

– Ну да, я и мои друзья. – Монте-Кристо забросил винтовку за плечо и сунул руку в нагрудный карман, чтобы положить в него ключ. – Я же говорил тебе о бесценном кладе. Ты, видать, решил, что я имею в виду золото и бриллианты или патроны? Так это имеет ценность только в Жуковке, а у нас истинным сокровищем является дружба. Ну, спускайся же!

Томский повиновался. Но как только его нога коснулась первой ступеньки, Монте-Кристо выдернул руку из кармана. В ней что-то блеснуло. Толик почувствовал укол в шею. Мышцы его моментально окаменели. Он даже не почувствовал толчка в спину, а лишь увидел толкнувшую его руку, а затем покатился вниз по ступенькам.

Очнувшись, Анатолий понял, что лежит на каком-то столе, с головы до ног укутанный в грязный полиэтилен.

Болела теперь не только нога. Ныли ребра, колело в висках. Последнее, по всей видимости, было следствием парализующего препарата, введенного ему Монте-Кристо.

Томский попытался поднять голову, но смог оторвать ее от стола только на сантиметр – мешала полоска полиэтилена.

Толик мог видеть только черные от грязи и копоти швеллеры на потолке и часть проржавевшей до дыр огромной емкости для воды. С обмотанного вокруг одного из швеллеров электрического провода свисала лампочка-груша, которая то

вспыхивала, то потухала – синхронно тарахтению невидимого генератора.

Послышались шаги, и Томский увидел лицо склонившегося над ним Монте-Кристо. Без очков и респиратора он выглядел еще более неухоженным: лет шестидесяти, с кустиками седой щетины на кое-как побритом подбородке, с набухшими мешками под обведенными красными кругами глазами, с фиолетовыми губами – все это говорило о том, что обитатель водонапорной башни ведет не очень-то правильный образ жизни.

– Очухался? – поинтересовался Монте-Кристо с улыбкой заботливого доктора. – Сейчас я переоденусь, и мы начнем.

– Начнем что?

– Я буду тебя убивать, – беззаботным тоном сообщил Монте-Кристо. – Как предпочитаешь умереть? Предлагаю выбрать между ударом стилета в сердце или небольшим надрезом бедренной артерии. В последнем случае будет много кровищи, но ты просто уснешь. Рекомендую.

– За что? Я ведь не сделал тебе ничего плохого.

– Ты пришел из Жуковки, а для меня, судьи и палача в одном лице, этого вполне достаточно, чтобы вынести тебе смертный приговор. Любой подданный Рублевской Империи автоматически становится моим злейшим врагом. Ты смотрел сериал «Декстер»?

– Какой еще Декстер? Какой сериал, мать твою? Что за хрень ты несешь? Развяжи меня!

– Не ругайся. Я – крайне нестабильная в психическом плане личность и, разозлившись, могу начать пилить тебя на куски. Такое, поверь, уже случилось в этой комнате. И никому еще не удавалось выбраться отсюда живым.

– Пошел на хер!

– Так вот, о Декстере. – Монте-Кристо поднес к лицу Томского скальпель. – Этот телесериал в свое время был очень популярен. Декстер был маньяком,

пытавшимся контролировать свои темные страсти. Он убивал только плохих людей – преступников, которых невозможно было припереть к стене обычными полицейскими методами. Какое-то время кодекс Декстера работал. Был сыт волк-маньяк, были целы невинные овцы. Декстер обездвигивал свои жертвы, делая им укол со специальным препаратом, связывал полиэтиленом, убивал, расчленял и выбрасывал в море. Но перед этим...

Лезвие скальпеля вспорол Томскому щеку. Толя стиснул зубы, чтобы не радовать стоном ученика киношного маньяка. Но Монте-Кристо неожиданно положил скальпель и, взяв в руки два предметных стекла микроскопа, поднес их к ране.

– Вот так. Я, как и Декстер, храню кровь своих жертв. В качестве трофея. У меня много таких стеклышек... А еще я пожираю их души, чтобы самому стать бессмертным. И еще, что касается Декстера. В конце концов, парень сорвался и стал валить кого ни попадя. Подозреваю, что меня ждет такая же участь. Но это уже частности...

Томский слушал рассуждения безумца вполуха. Он испытывал острейшее ощущение дежавю. Все это уже с ним происходило. Только вместо этого Монте-Декстера был профессор Корбут, вместо стола – стальная кровать без панцирной сетки, а вместо комнаты в водонапорной башне – обложенная белым кафелем лаборатория по производству гэмэчелов.

– Ох, и сколько же вас?

– Кого?

– Придурков без царя в голове. Убиваешь, убиваешь, а вы вырастаете как грибы после дождя. В Жуковке стоило бы построить не Пирамиду, а специальную клинику, где содержались бы душевнобольные вроде тебя.

– Пирамиду, говоришь? Да что ты знаешь о Пирамиде, молокосос?!

Послышался звон брошенных на пол стекол, а затем металлический лязг. Монте-Кристо вернулся с большим тесаком в руке и поднял его над головой.

– Я тебе покажу Пи-ра-ми-и-и-ду!!!

Упоминание о Пирамиде вызвало у Монте-Кристо такую ярость, что лицо его сделалось пунцовым, глаза вылезли из орбит, а из уголка рта вытек и заструился по небритому подбородку ручеек слюны.

Мысленно прощаясь с жизнью, Томский пожалел о том, что заговорил о Пирамиде и привел этим маньяка в бешенство. Тесак в руке Монте-Кристо должен был вот-вот обрушиться на шею Толика, но убийца вдруг опустил свой страшный инструмент, приложил ладонь к правому виску и закрыл глаза.

– Что? Так-так. Не упускайте его из виду. Я сейчас буду.

Монте-Кристо открыл глаза, положил тесак на стол, у ног Анатолия, и, совершенно успокоившись, улыбнулся.

– А у нас гости. И опять со стороны Жуковки. Бывают же урожайные дни! Потерпи. Я быстро. – Он взял свою винтовку и уже у двери обернулся: – У тебя будет компания!

Маньяк скрылся за дверью. Томский пытался понять, что произошло, но найти ответы на свои вопросы, сколько бы не размышлял, не мог. Слышать посторонние голоса и повиноваться их приказам – вполне обычное дело для тех, кто не дружит с головой. Но Монте-Кристо вел себя так, словно в ухе у него был наушник, а говорил он будто в микрофон. «Может, у хозяина красной башни есть какие-то миниатюрные приспособления для связи с теми, кого он называл друзьями? К черту и Монте-Кристо, и его друзей! Думать надо не о них, а о том, как выбраться отсюда!»

Томский попытался двигать руками и ногами. Никакого эффекта. Маньяк знал свое дело и умел связывать свои жертвы. Оставалось только одно – попытаться раскачать стол. И Анатолий занялся этим, превратив свое тело в инструмент для смещения центра тяжести. Деревянное ложе качнулось, но амплитуда была слишком маленькой. Передышка – и новая попытка. На этот раз стол качнулся сильнее. Теперь Толик знал, в каком направлении следует прилагать усилия и... Он хотел этого, но, когда стол с грохотом перевернулся, не был готов к столь быстрой развязке. Анатолий больно ударился плечом. Стиснув зубы, попытался освободить руку. После нескольких рывков полиэтиленовые путы ослабли.

Томский выдернул руку и принялся срывать с себя целлофановые полосы. Когда он освободил вторую руку, то воспользовался тесаком и разрезал полиэтилен и на ногах.

Встал. Теперь он был свободен и вооружен. «Что дальше? Дождаться Монте-Кристо и раскроить ему череп? А если он вернется не один? Эх, автомат бы сейчас!»

Толик заметался по комнате в поисках оружия. Ничего. Только тарахтящий генератор, мятое цинковое ведро с остатками солянки на дне, стол с устрашающего вида хирургическими инструментами и резиновым фартуком, пара табуреток и огнемёт, уже использованный в старой часовне.

«Придется ограничиться тесаком или осмотреть другие уровни башни, чтобы найти более подходящее оружие».

По пути к двери Анатолий прихватил свой противогаз и фонарик, валявшиеся на полу.

Сразу за дверью находилась площадка стальной лестницы. Томский спустился на два пролета вниз и увидел еще одну дверь. Толкнул ее и вошел в темную комнату. Включил фонарик.

– О Господи!

Конус света скользил по грудам одежды и обуви, противогазов и прочих вещей, предназначенных для путешествий по миру, в котором царствовала ядерная зима. Но самым страшным было не это. На вбитых в стену крюках висели тщательно разделанные и, судя по виду, провяленные останки человеческих тел. Чертов Монте-Декстер не врал, когда хвалился тем, что разделяет людей и пожирает их души. Он умолчал лишь о том, что еще и съедает тела!

Толик выругался. Здесь было очень много всего, но отсутствовало главное – оружие маньяк явно хранил отдельно. Томский вышел из комнаты, собираясь спуститься вниз на еще один уровень, наверняка последний – судя по высоте башни, в ней не могло быть больше трех этажей.

На середине лестничного пролета пришлось остановиться. Анатолий что-то услышал. Что-то вроде... Шлепков босых ног по полу! Путь вниз был отрезан. Там был кто-то из друзей маньяка.

Томский вернулся наверх, прошел мимо комнаты, где его едва не прикончили, и увидел еще одну дверь – такую узкую и низкую, что сразу ее не заметил. «Пожарная лестница. Ну, конечно же!» Дверь могла вести только в одно место – на крышу башни. Толик распахнул дверцу, осветил дорогу фонариком. Так и есть – стальная вертикальная лестница, приваренная к бочке для воды – выход на крышу.

Перед тем как подняться наверх, Толик собрался надеть противогаз, но в этот момент испытал уже знакомое ощущение того, что кто-то посторонний роется у него в мыслях. Шепот. Порой невнятный, порой очень четкий. Казалось, словно кто-то нашептывал Томскому на ухо:

– Оставь. Оставь эти глупые затеи. Тебе отсюда не выбраться, а таким поведением ты только разгневаешь хозяина, который будет убивать тебя очень медленно. Одумайся. Оставь. Одумайся. Всем, и в первую очередь тебе, будет лучше.

Толик вдруг понял, что воля его подавляется, он начинает повиноваться невидимому, но настойчивому советчику и, уже не контролируя себя, идет к комнате, из которой с таким трудом выбрался.

Томский попытался сопротивляться психической атаке. Он поднял фонарик, направив его на лестницу. Луч света уперся в лицо существа, которое бесшумно поднималось вверх. Деталей Анатолий рассмотреть не успел. Свет отразился в зрачках огромных глаз и, казалось, вернулся, но уже ярче в несколько раз. Глаза эти казались ямами, наполненными расплавленным золотом, которое искрилось и переливалось всеми оттенками желтого.

Настоящая магия. Пляска огня, которая звала за собой, предлагала с головой погрузиться в неистовый танец и забыть обо всем на свете.

За доли секунды до того, как сдаться и поплыть по течению, Томский нашел в себе силы на то, чтобы вскинуть руку и метнуть тесак.

Все закончилось. Моментально погас огонь. Стих шепот. Ослабло и сошло на нет давление на мозг.

Томский подошел к краю лестничной площадки. Внизу, дергаясь в агонии, лежал нагой мужчина, страшно худой и грязный. Он пытался вырвать из рассеченного лба лезвие тесака.

Толик отвернулся от этого зрелища. Он остался совсем без оружия, но решил не приближаться к пучеглазу, пусть уже и умирающему, но, возможно, все еще опасному.

Натянув наконец противогаз, Анатолий сунул фонарь за ремень и сжал руками перекладину лестницы. План был прост: выбраться на крышу, спуститься на землю по пожарной лестнице и вернуться в исходную точку – на кладбище, которое после знакомства с маньяком-людоедом, казалось Эдемским садом.

Через несколько минут Томский оказался на крыше и увидел, что спускаться вниз слишком рано. Гость, о котором сообщили Монте-Декстеру по телепатической связи, прибыл не пешком.

В сером мареве занимающегося рассвета Толик увидел свет фар. Рокотал мощный двигатель.

Большой черный джип с блестящей буквой «S» на бамперной решетке и стеклами, защищенными стальными полосами, двигался по извилистой линии, объезжая деревья, спускаясь в ложбины и поднимаясь наверх, а перед ним метались фигуры голых мужчин и женщин. Больше всего поразил Толика ребенок, который с удивительной легкостью вскочил на движущуюся машину и принялся молотить по крыше тонкими ручонками.

Действия пучеглазов, на первый взгляд, казались бессистемными. Но когда Томский увидел Монте-Декстера, стоящего в стороне, с прижатыми к вискам ладонями, то понял – тот управляет всем, что делает его банда.

Джип остановился. Открылась водительская дверь, из которой высунулся ствол автомата. Перерубленные очередями, упали на землю два пучеглаза, а мальчишка, находящийся на крыше, обхватил ствол «калаша» обеими руками и дернул вверх. Двигатель заглох, погасли фары, а пучеглазы облепили

внедорожник со всех сторон.

Томский не стал дожидаться, когда водителя вытащат из салона. У Толи было всего несколько минут до того, как Монте-Декстер вернется домой с голыми дружками и новым пленником.

Беглец перебрался с крыши на лестницу и начал спускаться. Добравшись до последней перекладины, Толик повис на ней и разжал ладони. Ударившись о землю, он не смог сдержать крика – совсем забыл о больной ноге.

Путь к Рублевскому кладбищу был отрезан, поэтому Томский заковылял в противоположную сторону. Он рассчитывал обойти башню и так спешил, что едва не свалился в глубокий овраг. Как оказалось, эта кирпичная махина стояла на краю обрыва. Взглянув вниз, Анатолий попятился и отступал назад до тех пор, пока не уперся спиной в стену башни. И снова дежавю. Он уже видел это после того, как в полубессознательном состоянии сбежал из адской лаборатории профессора Корбута и забрел в подземную Лубянку: горы скелетов, черепа, черные провалы глазниц, табличка «Осмотр тел». Тогда что-то было бредовым видением, что-то явью. Теперь Томский точно не бредил, и сваленные в овраг человеческие останки не были плодом его фантазии. Производство Монте-Декстера не было безотходным. После разделки туш, маньяк сбрасывал ненужные ему кости с крыши в овраг. «Сколько же людей он убил?!» – ужаснулся Томский.

Анатолию совсем не хотелось спускаться в этот страшный могильник. Беглец выглянул из-за стены башни. «Хозяин и его голые соратники совсем близко. Когда Монте-Декстер вернется и увидит, что я сбежал, он отправит на поиски всю свою нагую орду. Пучеглазы вычислят меня в пять минут и тогда...»

Новый план Томского был настолько авантюрным, что вполне мог сработать. Толик пополз к открытому люку, через который недавно попал на эту мясную фабрику.

Он решил спрятаться в башне, а когда ее обитатели войдут внутрь, опять выбраться на крышу и снова спуститься вниз по пожарной лестнице.

В любом случае просто так он не собирался сдаваться, и если ему суждено было занять свое место в наполненном костями овраге, то перед смертью он решил

еще побарахтаться.

Глава 4

Зов

Ночи в этом кардинально изменившемся мире с самого начала перестали быть спокойными. Днем, при свете солнца, все спало, отдыхало, дожидаясь темноты, чтобы выйти на поиски пропитания. Во мраке ночи происходила основная часть новой жизни: раздавались странные звуки, наводящие ужас шорохи, металась по земле, летали и ползали существа, для большинства из которых еще даже не были придуманы названия.

Ночь заняла главенствующую роль в иерархии времени суток, и стая варанов, направляющихся к Жуковке, пользовалась этим.

Двигались они почти бесшумно. Неуклюжие и громоздкие, на первый взгляд, твари ухитрялись шлепать по грязи так, что порывы ветра с легкостью заглушали шум, вызванный их движением. Когда из-за туч выглядывала луна, свет ее отражался в трех десятках пар желтых глаз.

Наблюдай в этот момент за ними натуралист, он, несомненно, пришел бы к выводу, что рептилии, несмотря на малый размер их мозга, обладают зачатками интеллекта: вараны двигались не хаотично, они выстроились в клин, а вел их самый старый и крупный ящер, достигавший в длину метров пяти.

На коже его, свисающей уродливыми складками, виднелись многочисленные шрамы, полученные в сражениях с другими мутантами и варанами, претендовавшими на роль вожака. Теперь никто не оспаривал права старого гиганта на руководящую и направляющую роль – вараны послушно семенили за ним.

Так они добрались до Третьего, еще недостроенного Периметра и оказались среди рвов, пакетов кирпича, бетономешалок и строительных лесов. Здесь вожак стаи пропустил свое воинство вперед, а сам остановился, поднял вверх

свою уродливую, массивную, как таран, голову и с шумом втянул ноздрями воздух. Что-то неясное и не совсем понятное звало его вперед, к следующей кирпичной стене, но инстинкт самосохранения сигнализировал о том, что опасность может подстерегать сзади. Ящер резко развернулся на месте и увидел зверька с большими оранжевыми глазами. Покрытый мягкой черно-белой шерстью, он передвигался на гибких, как канаты, задних конечностях, изредка помогая себе длинными передними лапами и пружинистым хвостом.

Тело варана напряглось, он разинул пасть и угрожающе зарычал. Лемур – а это был именно он – наклонил свою круглую, как футбольный мяч, голову.

– У-у-у-р!

С минуту мутанты рассматривали друг друга, не двигаясь. В обычной жизни они не нашли бы общего языка, но сейчас сильнее всего остального был настойчивый зов, исходящий со стороны человеческого поселения.

Лемур отступил назад и растворился в темноте, а варан, переваливаясь на раскоряченных лапах, двинулся к собратьям, уже подбирившимся к воротам Второго Периметра. Присоединиться к стае он не успел – на вышке у ворот вспыхнул прожектор, и тут же ударил пулемет. Вараны, попавшие в сектор обстрела, спастись уже не могли. Ослепленные, они метались среди фонтанов земли, выбиваемых пулеметными очередями, яростно рычали, пытались отыскать путь в спасительную темноту, и падали, прошитые горячими кусочками свинца.

Бойня продолжалась до тех пор, пока не затих последний варан. Спастись удалось всего нескольким ящерам, успевшим добраться до мертвой зоны у основания кирпичной стены.

Часовой на вышке снял палец со спускового крючка крупнокалиберного пулемета «Корд», повернулся к товарищу:

– Гаси свет. Давай новую ленту. Эти пули с вольфрамовым сердечником – просто песня. Варана завалить – это тебе не шуточки, но у меня такое ощущение, что эта атака – не последняя.

– Теперь они будут умнее. Да и с теми, что спрятались под стеной, надо как-то разобратся.

- Если до утра не уберутся - не наша забота, а сменщиков.

- И то правда. Меня другое волнует. С чего бы это вся мерзость к нам поперлась? Вчера, вон, среди бела дня гарпии одного придурка сожрали, а птеродактиль остатки собирался доесть... Не было еще такого на моей памяти.

- Баланс.

- Чего?

- Баланс нарушили, когда ту хрень, что в лесу валялась, разбомбили. Все так говорят. Не надо было ее трогать, тогда и дальше бы спокойно жили.

- Может, и так. В картишки?

- Хочешь, чтоб я тебя опять в дурачках оставил?

- Это мы еще посмотрим.

- Сдавай!

Оборудованная с комфортом вышка в прежние времена была для часовых отличным местом времяпрепровождения. Площадка под оцинкованной кровлей была достаточно просторной, чтобы часовые, которые дежурили парно, не стесняли друг друга. От ветра и дождя их защищали специальные подъемные рамы с высокопрочным стеклом, а откидные сиденья и стол были достаточно удобными для того, чтобы отдыхать во время дежурства.

В нижней части сторожевой будки располагался небольшой пульт управления: для прожектора, вращающегося на триста шестьдесят градусов, и электропривода ворот.

Квадратный люк в полу закрывался на прочный засов, через него можно было попасть на стальную лестницу, по которой дежурные спускались на землю.

Часовой, тасовавший колоду, вдруг привстал и потянулся к автомату – он заметил покрытую шерстью лапу, которая легла на парапет будки.

– Эй, да у нас гости...

Вслед за лапой над парапетом появилась круглая голова с прижатыми к вискам треугольными ушами. Большие оранжевые глаза уставились на часовых, а затем «гость» перемахнул через перила и бесшумно приземлился на пол будки и завилял хвостом.

– Обезьяна...

Безобидный, даже комичный, вид лемура вызывал у всех, кто видел мутанта в первый раз, лишь одно желание – погладить его по мягкой шерсти. Эту ошибку допустили и часовые. Как только они опустили автоматы, лемур запрыгнул на откидной столик и, не сводя с ближайшего человека глаз, взмахнул передней лапой. Два острых, как бритва, серповидных когтя вспороли ткань защитного комбинезона в области горла. Через порез хлынула кровь. Часовой выронил автомат, прижал руки к горлу и упал под ноги товарищу.

Лемур обернулся. С тихим «ур-р-р» он обвил хвостом шею второго часового и несколько раз воткнул когти в его грудь. Тот, не издав ни звука, перевалился через парапет и упал прямо к прятавшимся под стеной варанам. В будку запрыгнули еще три лемура. Затрещала ткань комбинезона. Во все стороны полетели испачканные кровью лоскуты. Чавканье и плотоядное урчание склонившихся над трупом человека обезьяноподобных монстров заглушил новый звук – загрохотали от мощных ударов стальные ворота.

Вараны под пристальным присмотром своего вожака поочередно разгонялись и били тупыми мордами в массивную конструкцию. Ворота были прочными, но уже через пять минут поддались дикой ярости ящеров, которые, казалось, не чувствовали боли. Заскрежетали стальные швеллеры, лопнул трос электропривода, и ворота рухнули. Стая варанов, прорвавшая Второй Периметр, сбилась в кучу, готовая нестись по Жуковке, сметая все на своем пути.

Однако тут снова загрохотали автоматные очереди. Ящеры вынуждены были разделиться на несколько групп, каждая из которых двинулась в сторону вспышек своим путем.

– Держать строй! Крутим мельницу, хлопцы! С правой, с правой стороны этих сазанов пасите!

Судя по голосу и шулерским словечкам, командовал группой сам Степан Бамбуло, по кличке Стук, – правая рука нового правителя Жуковки Юрия Корнилова. Махровый хохол и картежник показал себя отличным бойцом и авторитетным командиром. Сейчас Степан в очередной раз демонстрировал свои лидерские способности.

Убедившись в том, что его отряд сможет сдерживать напор ящеров не менее пяти минут, Стук, спрятавшись за стеной бункера, побежал к вышке. Автоматы не могли нанести варанам серьезного ущерба, и Бамбуло принял решение задействовать «Корд».

Добравшись, он увидел сваленные ворота, мокрые от крови резиновые ошметки комбинезона и понял, что не дожидается помощи от часовых.

Степан остановился. Урчание, доносившееся сверху, было ему хорошо знакомо – с повадками лемуров он был знаком еще со времени своего путешествия из Метро в Жуковку.

– От бисовы дети...

Стук передернул затвор «калаша» и начал медленно подниматься по лестнице, не снимая пальца с курка. Несмотря на то, что двигался Степан очень осторожно, лемуры что-то почуяли. В будке воцарилась тишина. Но это уже не имело значения – Бамбуло добрался до крышки люка и приставил ствол автомата к доскам, через щели в которых капала кровь.

Гроыхнули выстрелы. Сверху донесся пронзительный визг – по крайней мере один лемур схлопотал пулю. Стук продолжал стрелять через пол, заставляя мутантов метаться по будке. Самый прыткий попытался сбежать и, перепрыгнув через парапет, повис на передних лапах. Измазанная кровью морда оказалась на одном уровне с головой Стука.

– Добрий ночи, друже!

Не прекращая стрельбу, Степан свободной рукой вырвал из чехла на поясе десантный нож и воткнул лезвие между глаз лемура. Мутант разжал лапы и шлепнулся у подножия будки.

Ударом плеча Бамбуло выбил искромсанную пулями крышку люка и поднялся в будку. Переступая через трупы лемуров и мертвого часового, добрался до пулемета, развернул «Корд» в сторону Жуковки и включил прожектор.

– Мати чесна!

Стук не знал, с чем сравнить то, что увидел. Будь он постарше, то нашел бы подходящий аналог: столица Рублевской Империи походила сейчас на Сталинград времен Второй мировой. Локальный, как предполагал вначале Степан, бой с варанами оказался вовсе не схваткой местного значения. Отряд Бамбуло был просто первым подразделением, вступившим в общую битву.

Темное небо полосовали лучи прожекторов, выхватывающие из мрака мечущиеся фигуры птеродактилей и гарпий. Трещали автоматы, басовито работали пулеметы. Защитники Жуковки стреляли и по летучим гадам, и вниз, где между строениями бегали вараны вперемешку с лемурами.

На глазах Степана рухнула одна из вышек Второго Периметра. Удерживать эту линию обороны уже не имело смысла. Оставалось только одно – отступить и сосредоточиться на защите Первого Периметра.

Степан выругался, встал к пулемету и истратил ленту на варанов, метавшихся вблизи вышки. Когда Стук спускался вниз, пронзительно завывала сирена, а через минуту над Жуковкой разнесся многократно усиленный громкоговорителем голос Корнилова:

– Всем отступать за Первый Периметр! Через пятнадцать минут все ворота будут закрыты! Повторяю...

Тут же замигал прожектор на боку Пирамиды – для тех, кто по каким-либо причинам не мог слышать, приказ Корнилова дублировался азбукой Морзе.

– Это ты хорошо придумал, – проворчал Степан. – Но пятнадцать минут... Хочешь меня здесь оставить?

Он поднял автоматы погибших стражей вышки и спустился вниз. Пробежав метров сто, увидел на крыше бункера раненого птеродактиля. Люди, подбившие пернатого монстра, лежали на бетонной дорожке. Над их трупами уже вовсю трудились вараны. С рычанием они отрывали от мертвых тел куски мяса и молотили шипастыми хвостами по бетону.

Понимая, что парням уже ничем не помочь, Стук решил не ввязываться в бой. В задумчивости остановившись перед дверью бункера, где можно было бы спрятаться и дождаться наступления утра, Степан покачал головой. Он понимал, что утро ничего не изменит. По крайней мере теперь, когда мутанты всех мастей ни с того, ни с сего поперли на Жуковку и привычное время охоты стало им вдруг по барабану. С другой стороны, пробираться по запруженным варанами и лемурами улицам тоже не улыбалось. Уложиться в отведенные на отступление пятнадцать минут было нереально, а спрятавшись в бункере, можно было запросто оказаться отрезанным от спасительной стены Первого Периметра, где, судя по шуму и вспышкам выстрелов, мутантам уже оказывали организованное, серьезное сопротивление.

Была, правда, слабенькая надежда на то, что бункеры соединялись между собой ходами сообщения. Какие именно, Степан не знал – для этого нужна была подробная карта жуковских сооружений, но шанс добраться до Первого Периметра подземными дорогами оставался.

– Не треба авантюр, – пробормотал Бамбуло, вставляя в прорезь замка магнитную карту. – Тихше идеш – дали будеш.

Щелкнул магнитный замок, и в этот же момент погасли все прожекторы. Что-то случилось с электричеством. Размышляя о том, что сейчас все сооружения Жуковки, не имеющие простых механических запоров, стали доступными для мутантов, Степан начал спускаться по металлической лестнице, освещая дорогу фонариком.

Внизу Стук увидел ряды двухъярусных кроватей – бункер оказался казармой гастов.

– Эй, есть кто живой?

Никто не ответил. Возможно, обитатели бункера успели уйти за Первый Периметр, возможно... Бамбуло вдруг поскользнулся на ровном месте и едва не упал. Луч фонаря осветил большую лужу крови. Степан инстинктивно попятился. Такие лужи были повсюду: на полу, между кроватями, даже на стенах брызгами крови были выписаны причудливые кривые. Никто и никуда отсюда не ушел. Бамбуло продолжал осмотр, пока не отыскал место, откуда в бункер проникли неведомые убийцы, учинившие бойню. На стенах, у самого пола, зияли отверстия с рваными краями. Какие-то твари смогли пробить бетон. Тела они утащили с собой...

Степан сел на ближайшую кровать, достал из кармана комбинезона рулон скотча, примотал фонарик к стволу автомата, из второго «калаша» достал рожок – руки должны были быть свободными на тот случай, если мутанты-убийцы вздумают вернуться.

Теперь прорыв за Первый Периметр стал для Стука делом не только собственного спасения – он должен был предупредить друзей о том, что бункеры Жуковки перестали быть надежными убежищами.

Бамбуло уже встал, чтобы начать поиски подземного перехода, когда раздался щелчок. В гробовой тишине он прозвучал, как выстрел, и Степан лишь чудом не начал палить в ответ. Но тут вспыхнули лампы под потолком. Электроснабжение восстановили, а щелкнул так громко всего лишь магнитный замок, автоматически запирая входную дверь. Теперь зрелище побоища в бункере предстало перед Стуком во всей его ужасающей полноте. Насчет тел он оказался неправ. У стены, около одной из дыр, лежала часть руки – от кисти до локтя: пропитанная кровью ткань камуфляжной расцветки, браслет из стальных колечек, пальцы, сжатые в кулак так, словно человек – хозяин руки – собирался ударить своего убийцу, но так и не успел этого сделать.

Бамбуло с трудом отвел взгляд от обрубка. Он понимал, что следовало сосредоточиться на поисках выхода, а не сочувствовать погибшим, если он, конечно, не планировал к ним присоединиться.

Степан вздохнул и направился в дальний конец казармы – туда, где коридор сворачивал к столовой, – уже жалея о том, что вошел в этот бункер, ведь

подземного хода здесь могло и не быть, а любоваться всем остальным не очень-то хотелось.

Уже у самого поворота Бамбуло почувствовал непреодолимое желание обернуться. Он не слышал ни звука и не мог понять, откуда взялось это желание. Чувство было таким, словно кто-то невидимый нашептывал ему на ухо: «Давай же, поскорее сделай это или горько пожалеешь о том, что не послушался меня. Обернись же, черт бы тебя побрал!».

Степан повиновался. Обернулся. Как и ожидалось, он не увидел ничего нового – все те же темные лужи на полу и кровь на стенах.

Но сюрприз, оказалось, ждал его не сзади, а впереди. Как только Стук повернулся обратно, он увидел нагую женщину. С ног до головы перепачканная грязью, она пригнулась так, что руки ее коснулись пола, и, переваливаясь, словно утка, исчезла за поворотом.

Степан шумно выдохнул. «Выжившая, – подумал он. – Дамочка из богемного общества впервые оказалась в переделке. Сейчас наверняка находится в состоянии шока. Вот и бегает голая по бункеру гостей. Только ее и не хватало. Придется тащить эту мадемуазель с собой. Вот только куда? Я ведь так и не нашел выход!»

Опустив автомат, Бамбуло сделал несколько шагов вперед и свернул. Выход был. В стене бункера зиял огромный, ощерившийся гнутой арматурой, проем. Через эту дыру, в которую мог бы проехать и танк, бил яркий свет.

«Кто-то врубил прожектор?» Нет. Свет не был электрическим, и лучшим доказательством этого были кустики изумрудно-зеленой травы в нижней части пролома. Завороженный, Степан вышел сквозь проем наружу и оказался на залитой солнцем поляне, в центре которой высилось большое, красующееся нарядом из зеленых листьев дерево, под которым стояла светловолосая девушка в ярко-красном вечернем платье и смотрела на Стука.

Блондинка поправила свой тщательно завитый локон, томно вздохнула и подняла глаза к небу.

– Ты... Ты кто? – спросил ошарашенный Степан.

Бамбуло понимал всю неуместность своего вопроса. Ни девушки, ни этого дерева, ни поляны не могло быть в принципе. Ничего этого вообще не могло быть!

– Я? Агата. А ты? И зачем противогоаз?

– Степан. Противогоаз... Ерунда! Дело не в противогоазе... Слышь, Агата. А вот это все, – Бамбуло описал рукой круг. – Все это. Искусственное?

– Жизнь на Рублевке сама по себе насквозь искусственная, – ответила Агата. – Искусственные груди, губы... Искусственные мысли и слова. Ничего естественного, Степа. А вот ты, похоже, не из наших.

– Точно. Не из ваших. Ты, часом, не видела тут голой ба... Девушки. Грязная она такая...

– Нет. Я здесь одна. И всегда буду одна. После того, как этот урод меня убил...

– Что ты плетешь?! И вообще, откуда ты здесь взялась?

– Гм... Я, в отличие от тебя, местная. Жила здесь со своим пузатым папиком, пока он не отыскал себе одну молоденькую сучку. Б-р-р... Видел бы ты ее! Вот она точно была грязной стервой. В общем, они решили от меня избавиться. Ну и... Это оказалось очень легко. Я ведь сидела на антидепрессантах и почти не сопротивлялась, когда меня убивали. Потом папик вынес мой труп в сад и зарыл. Как раз под этим деревом. Здесь!

Блондинка топнула ногой. От удара изящной туфельки по земле пробежала черная трещина, которая стремительно расширялась, разрезая зеленый газон травы. Агата оказалась на краю прямоугольника могилы, с улыбкой прыгнула в нее. И уже оттуда, стоя по грудь в земле, сообщила Степану:

– И с тех пор я гнию здесь. Черви, Степа, больше всего мне досаждают черви!

В подтверждение слов блондинки из могилы выполз червь. Черная ромбовидная чешуя блеснула в лучах уже потухающего солнца. Голова гада приподнялась, отростки-щупальца хищно зашевелились. А в могиле вместо Агаты стояло уже

знакомое Степану голое, грязное существо, глаза которого выглядели как ямы, наполненные расплавленным золотом.

«Да была ли вообще эта могила?» Нет. Голая женщина прижималась спиной к бетонной стене бункера. Исчезла и поляна вместе с деревом. Потухло солнце. Только червь остался.

Степан вскинул автомат. Теперь, когда противник был перед ним, мужчина чувствовал себя гораздо увереннее: никаких полей и трав, блондинок и их мрачных рассказов о рублевских нравах. Просто червь и пролом в стене, через который тварь вползла в бункер. Ах да! Еще и эта ведьма. Теперь Бамбуло не сомневался – приступ галлюцинации у него вызвала эта глазастая стерва. Она была гораздо опаснее червя. «Так получай же!»

Степан отвел ствол чуть в сторону и надавил на курок. Очередь прошла женщине грудь. Ведьма без звука рухнула у стены. Теперь свою порцию свинца должен был получить и червь. Однако выстрелить Бамбуло не успел. Гад вдруг бросился на упавшую женщину и обвил ее талию. Ш-ш-ш! Во все стороны полетели клочки кожи и окровавленной плоти. Туловище монстра погружалось в тело жертвы. Острые, как бритвы, кромки чешуи работали, словно пила.

Степан медленно попятился. Он уже понял, что у этой ползучей твари нет глаз, но она молниеносно реагирует на движение. А еще Стук увидел то, что искал, – люк в полу, который вел в подземный ход, наверняка соединяющий жуковские бункеры. Вот только люк невозможно было открыть сверху, из бункера, без специальных инструментов. На свое несчастье Бамбуло оказался в казарме гастов, которые были – в прошлом – самыми бесправными жителями столицы Рублевской Империи. Им не позволялось свободно разгуливать по подземным переходам. А после революции и освобождения гастов прошло слишком мало времени. Никто и не вспомнил о такой мелочи, как люки в казармах.

Степан тихо выругался. Он понял, что зря потратил время на этот бункер. Пятнадцать минут, отпущенных Корниловым на отступление, давно прошли. Теперь все ворота Первого Периметра были наглухо заперты. «И что дальше? Остаться в бункере и дожидаться того же, что черви сотворили с его обитателями?» – подумал Стук, а потом махнул рукой со словами:

– Эх, де наша ни пропадала?

Стараясь не слишком шуметь, Бамбуло соорудил из кроватей баррикаду. Сел у стены в том месте, где она казалась наиболее прочной. Разложил рядом автоматные рожки, чтобы до них можно было легко и быстро дотянуться, снял перчатки и, достав из кармана колоду карт, принялся ее тасовать. Он готовился к долгому ожиданию, но ждать пришлось всего пару минут.

Со стороны входа слышались шлепки босых ног, и Степан увидел мужика в набедренной повязке из грязной мешковины. Полуголый незнакомец направлялся в сторону спрятавшегося бойца и с неподдельным интересом рассматривал ряды кроватей. Позади него семенил нагой мальчик лет семи. Этого кровати не интересовали. Глазища пацана смотрели прямо на Степана, который медленно поднял автомат. Мальчик угрожающе заурчал.

Глава 5

Я тебя раскручу!

– И что ты за человек, Кроликов? – возмущался Бронкс. – Вот скажи мне, почему ты такой чурбан!

– Я слуга божий, – отвечал Сергей замогильным голосом. – Все мы – его рабы. Беда в том, что не все это понимают...

– Да, рабы. Да, божьи! И сейчас из этого можно заварить в Жуковке такую кашу, что чертям тошно станет. К тебе начали прислушиваться, Серега. Тебя почти воспринимают всерьез. Ты нащупал верную ниточку, но не сможешь далеко уехать на одних лишь проповедях. Повести массы за собой – вот главная наша задача. Для этого требуется чудо. Знамение! Сечешь? И без помощников тут не обойтись.

– Будем считать, что убедил, – вздохнул Кроликов. – Послушаю я твоего дружбана.

– Вот давно бы так.

Через час после этого разговора новый пророк принял загадочного помощника в своих хорах. Поначалу Кроликову не понравился этот странный человек. Звал гость себя Теслой, и, судя по манере разговора и тому, что богатая резиденция стилиста не произвела на него особого впечатления, не принадлежал к касте гастов.

Сергей вообще не мог определить породу-статус Теслы: «Ученый? Сыплет мудреными терминами, но на обычных жуковских ботаников не похож. Чересчур... Гм... Брутален. Скорее уж из этих молчунов-всезнаек, называющих себя Носителями Истины. Заполучить в союзники жреца – офигенно, но... Носители бреют голову наголо, а этот о прическе явно не заботится вообще. Пострижен так, словно пользовался не ножницами, а косой. Фу!»

Кроликов мысленно отругал себя за то, что в нем так некстати проснулся парикмахер. Между тем Тесла с не меньшим вниманием изучал Кроликова, а закончив осмотр, поморщился.

– Балахон – это хорошо. Но все равно – худой, как жердь. Если нацеплю на него все свои цацки, еще свалится, – авторитетно заявил гость.

– Это кто худой?! – попробовал возмутиться реинкарнированный Лот, беспомощно глядя на Бронкса. – Да как он смеет?

– Не парься, парниша. – Тесла покровительственно похлопал Кроликова по плечу. – Хочешь быть богом? Будешь. Я тебя раскручу так, что башня Ворденклиф[2 - Башня Ворденклиф – первая беспроводная телекоммуникационная башня, созданная Николой Теслой.]всем цветочками покажется. Ну-ка, дай на тебя еще раз посмотрю. Хорош-хорош. Бронкс, где планируете адептов собирать?

– Можно в «Плазе»...

– Не пойдет. Мне потребуется кое-какое оборудование и помещение для него, отделенное от основного зала, где будет происходить демонстрация.

– Хм... Есть на примете один пустующий бункер. Человек сто там свободно разместится. И комната имеется отдельная.

– Ну, так чего мы стоим? Веди нас туда.

Кроликов был обижен тем, что Тесла смотрит на него, как на пустое место, а о серьезных вещах разговаривает с Бронксом. Однако скандалить не стал, уже понимая, что новый соратник, говоривший туманные речи о какой-то башне, знает свое дело.

До бункера, о котором говорил Бронкс, они добрались без проблем – в Жуковке у всех забот хватало, и интересоваться тем, куда идет эта троица, никто не стал.

В бункере Тесла тут же взялся за дело. Походив от стены к стене, он остановился, задумчиво покивал головой, потом попросил Бронкса позаботиться о тайной доставке нужного оборудования, а когда тот ушел, повернулся к Кроликову и кивком указал на кровать.

– Садись и слушай. Что тебе известно об электромагнитной индукции?

– Инду... Индус... Чё?

– Ясно. Ты у нас не из академиков, поэтому будешь выполнять все в точности, как скажу я.

– А если не буду?

– Шибанет током так, что мозги вкрутую сварятся. – Тесла, прищурившись, ухмыльнулся, словно мысль о сваренных вкрутую мозгах Кроликова доставляла ему невыразимое удовольствие. – Здесь, дорогуша, будет не до шуток. С миллионами вольт вообще шутить не рекомендуется. Договорились?

Кроликов кивнул.

– О чем говорить-то знаешь? Проповедь заготовил?

– О дне же том и часе никто не знает. – Кроликов откашлялся и повысил голос. – Ни ангелы небесные, а только отец мой один...

– Отец, говоришь? Неплохо-неплохо... В самых интересных местах твоей лекции мы будем... Я буду. Тут главное с чудесами не переборщить. Хорошего, как говорится, понемножку.

Пришли люди с оборудованием. На какое-то время Тесла оставил Кроликова в покое, а сам стал руководить расстановкой и подключением генераторов-трансформаторов.

Бронкс с другой группой сдвигал кровати к стенам, освобождая место в центре бункера. Загудело оборудование, замигали лампы на потолке. Тесла то выбегал в основное помещение с чем-то похожим на камертон, то скрывался в комнате, настраивая свои катушки. Когда это произошло в очередной раз, Тесла, выйдя на середину бункера, подбросил вверх металлический шарик. Никто не заметил ничего особенного, поскольку все были заняты своими делами, и лишь Кроликову, внимательно наблюдавшему за соратником, показалось, что шарик не сразу упал на пол, а на доли секунды завис в воздухе, окутавшись синеватым ореолом.

Тесла, удовлетворенный своим опытом, поднял шарик и, перекидывая его из руки в руку, подошел к Сергею.

– Пошли. Самое время заняться тобой. Эй, Бронкс, через полчаса мы будем готовы. Пусть потихоньку паства подтягивается.

Когда Кроликов вошел в комнату, ему сразу захотелось бежать оттуда как можно дальше. Воздух там был буквально пропитан электричеством и дрожал от вибрации. Тесла толкнул новоявленного пророка к столу, на котором в беспорядке лежали металлические кольца, цепочки, графитовые сердечники, обмотанные алюминиевыми проводами, согнутая замысловатым образом толстая медная проволока.

– Сейчас мы все это на тебя нацепим.

– Зачем?

– Ну, если объяснить так, чтоб даже тебе было понятно, то... – Тесла указал на стол. – Все это – антенны. Принимающие устройства. Сечешь?

– Антенны... Ясно.

– Ясность, как говорил незабвенный герр Мюллер, одна из форм полного тумана, – усмехнулся Тесла. – Ладно. А все эти машины – передающие устройства. В нашем случае – электричество. Ты станешь ходячей антенной, Кроликов. И благодаря этому сможешь творить чудеса. Снимай балахон и начнем. А пока готовимся, запоминай, что и как делать, когда выйдешь к людям...

Тем временем Бронкс, взявший на себя роль импресарио Кроликова, принимал и рассаживал приглашенных. Публика подобралась самая разношерстная. Одни интересовались тем, что еще учудил любопытный Кроликов, страдающий от скуки. Другие так испугались происходящего в Жуковке, что готовы были искать спасения где и у кого угодно, и откликнулись на приглашение, думая, что попадут на мероприятие, похожее на спиритический сеанс, где через общение с духами они найдут выход из сложившейся ситуации. Третьим – и на них Бронкс рассчитывал больше всего – было все равно, в какую партию или группировку вступить, лишь бы навредить ненавистному режиму Корнилова, поднявшему гостей до уровня элиты.

Гасты, кстати, тоже были здесь. Бронкс, ни на секунду не забывающий о реванше, через оставшихся верными ему людей вербовал молодых, крепких и амбициозных парней, которые были не прочь взять пошатнувшуюся власть Корнилова в свои руки.

Все происходящее напоминало ситуацию накануне октябрьского переворота 1917 года: растерянные, тыкающиеся, как слепые котята, люди смешались с теми, кто точно знал, чего хочет. И смесь эта была весьма взрывоопасной.

Все перешептывались, поглядывая то на входную дверь, то на место, где должен был выступить с проповедью новый пророк. Время шло, а он все не появлялся, и на лицах многих собравшихся уже можно было прочесть сожаление.

– И зачем мы сюда пришли? – отчетливо пробормотала дама, лицо которой было скрыто под густой темной вуалью. – Что я, Кроликова раньше не видела? Пустобрех – он и есть пустобрех...

По характерной хрипотце в голосе все узнали в даме Алину Разину. Это и на самом деле была она вместе с парочкой своих долговязых сопровождающих. Авторитет примадонны был по-прежнему высок, и окружавшая ее богема начала все громче роптать. Возмущение, оказавшееся заразительным, росло, и когда Кроликов наконец распахнул дверь, его уже были готовы разорвать на части.

Какое-то время оратор стоял, опустив голову. Потом коснулся пальцами массивного креста на своей тощей груди, поднял глаза и исподлобья посмотрел на собравшихся.

– Истинно, истинно говорю вам: все до единого будете гореть в аду!

– Я же вам говорила: у парикмахера башню снесло! – воскликнула Разина. – Нельзя тебе мозг напрягать, Сережка!

Послышались смешки и одобрительные возгласы, а примадонна привычно привстала и поклонилась публике.

Несмотря на столь холодный прием Кроликов продолжил:

– Да. Гореть в аду. Спасутся лишь те, кто пойдет за мной.

Алина вновь хотела было отпустить какую-то колкость, но пророк поднял руку и указал на нее.

– Вот такие всегда издевались и будут издеваться над нами! Это они вбивали гвозди в запястья Спасителя, побивали камнями и делили одежду невинно убиенного Христа. Это из-за них сюда пришел антихрист Корнилов и привел с собой стаю ужасных тварей, которых все вы называете мутантами, а я зову их демонами апокалипсиса!

При этих словах жидкие пряди волос Кроликова вдруг приподнялись. Так, словно их вскинул порыв ветра. Однако на глубине нескольких метров под землей никаких ветров не было, да и быть не могло. Пораженная публика затихла, а пророка понесло. Он то цитировал Библию, то возвращался к дню нынешнему и клеймил новых правителей Жуковки. Получалось у него так складно, что Алина, забыв о своих недавних насмешках, отбросила вуаль и смотрела на стилиста

широко раскрытыми от изумления глазами. Даже Бронкс, организовавший представление, удивленно почесывал покрытый недельной щетиной подбородок.

– Господь дал нам шанс заглянуть в ад, почувствовать испепеляющий жар геенны огненной и подумать о том, как спастись от адских мук! И разве мы будем такими глупцами, что останемся глухими к гласу божьему?!

Вставшие дыбом волосы Кроликова оказались цветочками в сравнении с тем, что произошло дальше. Висевший на его груди крест вдруг приподнялся и описал полукруг в воздухе, словно благословляя всех собравшихся. По бункеру прокатился общий вздох, а пораженная Алина встала и принялась тереть глаза.

Крест вернулся в прежнее положение, а Сергей вновь заговорил. Воцарилась гробовая тишина. Все жадно ловили каждое слово пророка.

Бронкс потрянул головой, сбрасывая с себя наваждение, потом скривил губы в улыбке и, стараясь ступать как можно тише, вышел из бункера. На выходе его поджидал рослый молодец с таким широким лицом, что респиратор, закрывающий нос и губы, казался игрушечным.

– Чтоб через пятнадцать минут все, что надо, было здесь. И не приведи Господь вам напороться на какой-нибудь патруль. Загубите дело – лично убью!

– Не волнуйтесь, шеф. Им сейчас не до нас.

Бронкс вернулся в бункер как раз в тот момент, когда Кроликов творил новое чудо. Он вскинул руки над головой, повернув ладони внутрь, и между ними, вспыхнув, задрожала голубая молния. Все дело было в тонких стальных браслетах на запястьях пророка, но этой мелочи никто не заметил.

– Здесь же сидели четыре животных, исполненных очей спереди и сзади! – На лбу Кроликова выступили крупные капли пота. – Первое из которых напоминало льва, второе – тельца, третье – человека, а четвертое – орла. Каждое из них имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей. И ни днем, ни ночью не знают покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, который был, есть и грядет. В то время как животные воспевали славу и честь Сидящему на престоле, старцы падали перед ним ниц и возлагали венцы к его ногам...

Последние слова Сергея стали сигналом к действию для наиболее экзальтированных слушателей. Несколько человек упали на колени и, бормоча «свят, свят, свят», заковыляли к пророку.

А тот одарил всех новым чудом: над головой его повис нимб, такой же, как недавняя ручная молния. Повисев несколько секунд, нимб исчез, а Кроликова окружила толпа желающих стать апостолами. И гасты, и богема пытались пробиться к пророку, чтобы поцеловать край его балахона. Чудотворец с улыбкой кивал восхищенной пастве до тех пор, пока не приоткрылась дверь комнаты, где были установлены приборы. Тесла поманил Кроликова к себе пальцем. Пророку стоило большого труда пробиться через толпу. Когда дверь за ним закрылась, в игру вступил Бронкс. Его подручные во главе с широкомордым парнем успели внести в бункер несколько тяжелых ящиков.

– Тихо, братцы, не шумим. Расходимся-расходимся. Не толпой. По одному, – напутствовал Бронкс всех, кто покидал бункер. – Оружие прячем под одежду. Светиться пока не будем. Ждем моей команды.

В ящиках лежали новенькие, еще в смазке, «калаши», рожки с патронами, пистолеты Макарова и ручные гранаты. Все выбирали оружие по своему вкусу.

Одной из последних бункер покидала Разина. Она остановилась напротив Бронкса, усевшегося на пустой ящик, и пристально посмотрела на него.

– Что это было, Марат? Я чего-то не понимаю?

– А тебе и не надо ничего понимать, бабуля, – усмехнулся Бронкс. – Тик-так. Время твое ушло. Верь в Кроликова и молись на него.

– Гм... Молиться? Я бы рада, но... Впрочем, ты прав. Молиться не стану, но и мешать вам не буду. Вижу, что затеял ты опасную и интересную игру. Удачи!

Закончив раздачу оружия, Бронкс вошел в комнату Теслы. Успевший освободиться от металлических причиндалов, Кроликов сидел на табурете, свесив руки между колен и уставившись в пол. Тесла переходил от одного трансформатора к другому, нажимал кнопки и поворачивал рубильники, выключая оборудование.

- Всякое я видел, но такого... Слышь, Тесла, а это точно фокусы, а не чудеса? – спросил Бронкс.

- Для меня, может, и фокусы, а для тебя – точно чудеса, – проворчал повелитель электричества. – Теперь ты понял, на что я способен?

- Понял, дружище. Конечно, понял. Эти катушки просто...

- Не смей говорить про фокусы! – взвизгнул вдруг Кроликов. – Проклятые еретики! Господь отдал на заклятие своего единственного сына, чтобы очистить от грехов таких уродов, как вы. Но горбатого, видать, могила исправит. Еретики!

- Смотри-ка ты на него! – усмехнулся Тесла. – Голосок у паренька прорезался.

- Да еще какой! Ух, какие мы страшные!

- Не страшные? – прошипел Кроликов. – Ну так это пока. Все эти люди пойдут за мной. Слышите? Не за вами. За мной. А свои катушки и антенны можете засунуть знаете куда?

- А если я расскажу им о том, что все твои чудеса – полное фуффло? – В голосе Теслы уже не было ни бравады, ни насмешки. – Они же тебя...

- Кто знает... А я скажу, что ты еретик. Не факт, что они поверят тебе больше, чем мне. Ты свое дело сделал и... Только от меня зависит теперь, потребуются ли твои навыки в дальнейшем.

- Что?! Я тебя, петуха, в люди вывел...

- От петуха и слышу!

- Стоп! – Бронкс встал между готовыми вступить в драку соратниками. – Хватит собачиться. Мы теперь одна команда и нужны друг другу, если не хотим, чтобы корниловская банда раздавила нас поодиночке.

- Ты прав, – кивнул Кроликов. – Поработаем в команде. Что скажешь, Тесла?

– Придется поработать.

– Ну, если мы договорились, пойду вздремну пару часов.

– Ага. Вздремните, ваше высокоблагородие. – Тесла с трудом сдерживал ярость. – Только апокалипсис не проспите.

– Уж не просплю!

Когда пророк вышел из бункера, Тесла и Бронкс переглянулись. Они поняли друг друга без слов. Теперь с Кроликовым, которого они всегда считали клоуном, придется считаться.

Глава 6

Враги и союзники

Толик спустился в подземный ход, деревянные ступени которого недавно пересчитал ребрами. Лестница вела на три метра вниз. За ней, после короткого горизонтального участка, где идти можно было только пригнувшись, начинались уже бетонные ступеньки, ведущие на первый этаж башни.

Переступая через тело лежавшего в луже крови мертвого пучеглаза, Томский заметил закрытую решеткой дверь с внушительных размеров навесным замком. Скорее всего, это и была оружейная, в которой хранил свой арсенал Монте-Декстер.

Толик вернул себе тесак, поднялся на третий этаж и затаился у лестницы, ведущей на крышу.

Внизу послышался топот сапог Монте-Декстера и шлепки босых ног его помощников.

– Ах, чтоб мне сдохнуть! – зарычал маньяк. – Что тут... Он сбежал! Вы куда смотрели? Зачем вам такие огромные зенки и головы, в которых нет мозгов?! Быстро наружу! Обыскать все и не возвращаться без... А это еще что такое?

Наступила тишина, а затем башню наполнили раскаты громового хохота. Томский понял – убийца наткнулся на труп пучеглаза и послал дружков на поиски беглеца. Все было логично, но то, что вызвало у Монте-Декстера приступ дикого веселья, оставалось пока загадкой.

– Ты! – вопил маньяк. – Черт бы меня побрал! Ты! Есть все-таки на свете Бог! Или дьявол? Какая разница? Тому, кто послал тебя ко мне, я воздвигну алтарь и стану молиться до тех пор, пока не разобью себе лоб. Ну же, просыпайся! Мы будем долго, очень долго говорить!

Через щель приоткрытой двери Томский увидел Монте-Декстера, который тащил на плече явно потерявшего сознание мужчину, одетого в абсолютно новый защитный костюм. «Берцы» незнакомца тоже блестели. «Откуда взялся этот щеголь?» Впрочем, наряд совершенно не помог водителю джипа. Новый пленник был обездвижен – так, как совсем недавно Томский.

Что будет дальше, Толик знал и ничуть не удивился, когда услышал шорох полиэтилена – маньяк привязывал жертву к столу. Анатолий посмотрел на тесак в своей руке. Он думал о том, что делать дальше: спасти товарища по несчастью или сосредоточиться на собственном побеге.

Прошло несколько минут. Шорох полиэтилена сменился металлическим позвякиванием – людоед перебирал свои инструменты.

– Ну, очухался? Привет. Не ожидал меня увидеть?

– Кто ты?

– Не узнал, ха-ха-ха. Неужто я так сильно изменился? Раньше ты был догадливее, мой генерал. Смотри внимательнее!

– Хмельницкий?! Профессор?!

– Он самый. Тот, кто верно служил тебе и кого ты заживо похоронил. Не бойся. Я не стану тебя резать. Пока. Мне нужна всего лишь капелька твоей крови.

– Как тебе удалось...

– Выбраться? Ты бы лучше спросил, чем мне пришлось питаться в течение месяца, который я провел в подземной темнице, пытаюсь разгадать секрет открывания двери.

– Ты... Там ведь ничего не было. Кроме...

– Ну да, мой генерал. Ничего. Кроме колб с заспиртованными мутантами. Когда я начал их кушать, то поклялся, что однажды сожру и тебя, Рамзес.

Ошеломленный Томский едва не уронил свой тесак: «Мой генерал? Рамзес? Кто же пленник Монте-Декстера?» Ответ напрашивался сам собой: это был фараон, которого все считали умершим. Он здесь, жив и здоров, но попал в западню.

– Ты – большая сволочь, Садыков. Однако я благодарен тебе за то, что, сам того не желая, ты помог мне продолжить исследования гипносов. Теперь я «свой» для этих мутантов. Знаю о них почти все. И когда я сожру тебя, то направлю своих дружков-телепатом на Жуковку. Они сотрут твое творение с лица земли, и тогда месть моя будет полной.

– Можешь не стараться, Хмельницкий. Столица моей Империи погибнет без твоего вмешательства. Покончу с ней я и никто другой. Ты должен помнить тот хитрый аэрозоль, который разрабатывал вместе с Хилой.

– Проект «Возрождение»?

– Да. Правда, проект провалился. Мечты о том, как мы будем использовать радиацию в своих целях и возродим былое величие человека, оказались полным фуфлом. Хила закончил вашу совместную работу, но результат оказался совсем другим. У него получился фермент, привлекающий мутантов и вызывающий у них агрессию. Недавно с помощью взрыва я распылил его над Жуковкой. И сейчас к моей столице двигаются орды мутантов всех мастей. Думаю, гипносы пойдут туда и без твоего приказа, повинувшись только собственным инстинктам.

Ты по-прежнему не у руля, Хмельницкий, и ничего не контролируешь. Иллюзии, только иллюзии были и остаются твоим делом...

- Я все еще могу убить тебя. Медленно и очень болезненно.

- Ну да. Можешь прикончить старого наркомана, который сменил столько личин, что уже и сам не может разобраться, кто же он на самом деле. Несчастливого, который потерял всех, кто был ему близок. Пиррова победа, профессор. Опять прокол.

- А есть варианты? Имей в виду, Рамзес, вопрос – риторический. Я все равно разделаю тебя под орех.

- Варианты? Есть. В последние годы я был известен в Жуковке под именем Конструктор. Теперь я собираюсь сконструировать собственную жизнь, начать ее с чистого листа. Рублевка – уже просто воспоминание, которое очень скоро исчезнет даже со сталкерских карт. Канет в небытие. Я ее породил, я с ней и покончу. Согласно моему плану, она погибнет вместе с теми остатками людишек, которые выживут после нашествия мутантов. Я собирался уйти в Метро. Там меня ждут верные люди, имеются практически неограниченные запасы ресурсов, которые я переправил из Жуковки. Если из-за жажды мести у тебя еще не окончательно поехала крыша, можешь присоединиться.

- Ты будешь терпеть рядом с собой людоеда?

- Как-нибудь смирюсь с этим. Это ведь я сотворил с тобой такое. Пусть не умышленно, но... Думай, Хмельницкий.

- Не верю я тебе. Все эти трюки с двойниками, бредовые мысли о заговорах, фобии и комплексы. Ты, Садыков, еще бо?льший маньяк, чем я. Нельзя полагаться на сумасшедших, особенно с таким серьезным диагнозом, как у тебя. Я благодарен тебе за предложение, но, пожалуй, отклоню его. Мне хорошо и здесь. Уж лучше я окажу тебе последнюю услугу. Выбирай: удар стилета в сердце или надрез бедренной артерии...

Толик покачал головой. Монте-Декстер – или, как выяснилось, профессор Хмельницкий – повторил те же слова, что говорил, видимо, каждой своей жертве. Но после всего услышанного Томский не мог позволить людоеду убить

пленника. Толик должен был узнать, как именно Садыков собирается покончить с Жуковкой, и помешать ему. Два маньяка могли бы и дальше заниматься личными разборками, но теперь на карту были поставлены жизни друзей, и Томский собирался вмешаться.

Анатолий понял: ждать больше нельзя. Он вышел из своего укрытия и двинулся к комнате пыток. Хмельницкий, переодевшийся в фартук мясника, перебирал инструменты на своем столе. Садыков, упакованный в полиэтилен, молчал, смирившись, видимо, со своей участью. Более подходящего момента и представить себе было нельзя: убийца стоял спиной, его винтовка была прислонена к стене всего в паре метров. Оставалось только...

Томский метнул тесак, целясь Хмельницкому между лопаток, и одновременно с этим бросился к винтовке, рассчитывая, если это понадобится, добить людоеда из его же любимого оружия.

Не повезло. Профессор успел выбрать то, чем собрался убить Садыкова, и начал оборачиваться, держа в руке большой разделочный нож. Тесак пролетел всего в паре сантиметров от цели, врезался в кирпичную стену и упал на пол. Реакция Хмельницкого была молниеносной – он бросился на безоружного Толика, размахивая ножом. Томскому пришлось забыть о винтовке и сосредоточиться на противнике.

Положение было тяжелым. Двигаться так быстро, как хотелось бы, Анатолию мешала больная нога. Но, как уже это не раз случалось, ему помогал адреналин, наполнивший каждую клетку тела. Томский проскользнул за стол и, когда Хмельницкий ринулся в очередную атаку, опрокинул на него деревянную конструкцию вместе с привязанным к ней пленником.

Рыча от ярости, профессор отшвырнул стол, а Толик успел влезть на металлический кожух генератора и встретить подбежавшего Хмельницкого ударом ноги в грудь. Тот охнул и попятился. Однако и Томский, оступившись, потерял равновесие и с грохотом упал на пол.

Маньяк воспользовался моментом и подбежал раньше, чем Толик успел встать, и уже занес нож для последнего, решающего удара, но тут оба услышали голос Рамзеса.

– Профессор. Эй, профессор, обернись-ка!

Садыкову, пока Хмельницкий был занят неожиданно появившимся беглецом, как-то удалось частично освободиться от полиэтиленовых оков. Рамзес не стал тратить время на то, чтобы сорвать с себя остатки целлофана, и добирался до винтовки, таща за собой стол. Теперь бывший генерал – высокий и худой, наголо бритый мужчина лет шестидесяти, с густыми черными бровями, орлиным носом и квадратным, волевым подбородком, – прищурился карие глаза, целился в Хмельницкого из «Крыса».

– И опять ошибка в расчетах. Прав ты только в одном – я не хочу иметь ничего общего с людоедом, – произнес Садыков.

В замкнутом пространстве выстрелы из мультикомпрессионной винтовки прогремели, как удары деревянного молотка по доске. Тук! Тук! Тук! На резиновом фартуке Хмельницкого появились три дыры. Мясник выронил нож и мягко свалился прямо на Толика.

Рамзес опустил винтовку.

– Никогда бы не подумал, что смогу попасть в такую передрагу.

– Еще бы. – Томский сбросил с себя тело Хмельницкого и встал. – Конструктор. Шахматист. Кукловод... И так опростоволоситься!

– Так ты все слышал, – вздохнул Садыков. – Может, оно и к лучшему. Такие люди, как ты, Томский, очень понадобятся мне на новом месте.

Он демонстративно, в знак миролюбия, поставил винтовку к стене и уселся на табурет.

– Ты как? Со мной?

– Сначала бы выбраться отсюда, а уж потом рассуждать о манне небесной, которой полно в твоих метрозакромах, – ответил Томский.

– М-да. Выбраться. Это... О черт!

Рамзес вдруг вскочил с табурета, схватил со стола один из ножей и бросился к Толику. Так подумал Томский, сразу принимая боевую стойку. Однако целью Садыкова был вовсе не он, а Хмельницкий. Сумасшедший ученый был все еще жив и, прижав ладони к вискам, что-то шептал с закрытыми глазами.

Рамзес схватил профессора за волосы, задрал его голову и резким движением полоснул ножом по горлу, где тут же расплзлась рана, похожая на раскрытый рот. Хмельницкий дернулся, захрипел, опустил руки и уронил голову в лужу крови.

- Он вызвал своих подручных, - констатировал Садыков. - Теперь выбираться отсюда будет сложнее. Какие соображения по этому поводу, Томский? Нам бы только прорваться к моему джипу. Там - оружие, еда.

- Пожарная лестница. Я уже спускался по ней. А ты скор на расправу...

- Не был бы я таким притким - давно бы сдох. А ты и сам - парень не промах. Куда подевал своего карлика? Надеюсь, он не погиб при крушении ротоплана?

- Жив. И скоро доберется до Метро, чтобы вернуться сюда с подмогой. Так мы идем?

- Для начала не мешало бы разжиться огнестрельным оружием. Гипносов нельзя подпускать слишком близко. А у нас пока - только ножи и скальпели.

- Есть и винтовка...

- Последние пули я истратил на нашего профессора-людоеда. - Рамзес наклонился, чтобы освободиться от остатков полиэтилена. - Фактически мы безоружны...

Толик с трудом подавил желание воспользоваться моментом, чтобы раскрыть Садыкову череп. Он был уверен: будь винтовка заряжена, Рамзес отправил бы его вслед за Хмельницким.

- Оружейная внизу. Единственное помещение, которое запирается на замок.

– А ты неплохо осмотрелся. Второй этаж?

– Только одежда и... вяленая человечина.

– Гм... Я не ангел, Томский, но все это – чересчур даже для меня. Потопали за оружием, союзничек.

– Ключ от оружейной. Наверняка он у него.

Рамзес склонился над трупом профессора, перевернул его, разорвал стальную цепочку на шее мертвеца и брезгливо вытер руки о резиновый фартук. Потом принялся обыскивать карманы покойника.

Перед тем как выйти, Томский прихватил винтовку, которая ему очень понравилась.

Они покинули разделочную, спустились по лестнице на первый этаж. Садыков отпер замок, нащупал на стене выключатель. Вспыхнула лампочка. Сразу за решеткой был короткий, метра три длиной, коридор. Миновав его, Толик и Рамзес свернули в основную комнату. Большую ее часть занимала привинченная к полу ржавая, затянутая паутиной емкость. Из крана на ее боку в подставленную кастрюлю капала вода.

Здесь же было и трофейное оружие: сложенные в пирамиды автоматы, совсем новые, но успевшие заржаветь; патроны, хранящиеся в деревянных ящиках и просто валяющиеся россыпью на полу; подсумки, набитые автоматными рожками; несколько пистолетов разных марок; небрежно сваленная амуниция – почти не ношенная и уже покрытая налетом плесени.

Отдельно, в прямоугольной нише в стене, стоял наполненный доверху гранатами и динамитными шашками стальной ящик. Рядом, в раскисшей от сырости картонной коробке, лежали боеприпасы для «Крыса»: полтора десятка баллончиков, свинцовые пули с острыми, сферическими и плоскими головками.

– Солидная коллекция, – присвистнул Рамзес. – Рвануть бы эту башню вместе с ее обитателями.

– Ага. Тебе бы только рвануть. Сделай милость – рвани заодно и себя. Когда я отсюда смоюсь. Кстати, авария автожира – не твоих рук дело?

– Прежде чем садиться в летательный аппарат, надо иметь хотя бы примерное представление о его состоянии. Виноват не я, а обледенение лопастей. А до Москвы, Толя, мог бы и ножками добраться. Вообще-то, ты и Корнилов должны быть благодарны мне за помощь в уничтожении психотронного генератора.

– Спасибо. Если бы у меня была шляпа, я бы ее снял.

Томский взял самое простое и эффективное оружие: проверив обойму, он сунул за ремень «ТТ», надел разгрузочный жилет с автоматными рожками в карманах и похлопал по прикладу «калаша».

– Вот теперь можно и повоевать.

Садыков не отвечал. Он тоже взял себе автомат и замер у двери, к чему-то прислушиваясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Старинная греческая поговорка, которую в латинском переводе часто употреблял Тиберий: «После моей смерти хоть земля смешается с огнем» или «Когда умру, пускай земля огнем горит».

Башня Ворденклиф – первая беспроводная телекоммуникационная башня, созданная Николой Теслой.

Купить: https://tellnovel.com/ru/antonov_serгей/rublevka-3-kniga-mertvyh

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)